

Марек Корнат

У истоков советологических и востоковедческих исследований в Польше (1919-1939) Основные исследовательские центры

Первая мировая война не только коренным образом изменила реалии международных отношений, но и перепахала общественную жизнь народов и государств. «Великая война» «привела к важным с любой точки зрения, а в некоторых направлениях просто к необратимым последствиям»¹. Одним из этих последствий стало появление тоталитарных идеологий и систем. У интеллектуалов тогдашней Европы не оставалось сомнения в том, что революционные преобразования необратимы и самым насущным образом затрагивают всю западную культуру. Интерес к большевизму, фашизму, гитлеризму основывался, прежде всего, на этом убеждении. В таком же контексте формировались первые исследовательские инициативы польских советологов. Их интерпретация советской системы, изменения внутренних отношений в России после 1917 г. касались проблемы, имеющей серьезное значение для западных обществ, в особенности для Польши, соседствующей с «новой Россией». «Из всей массы течений, будоражащих Восток, религиозных, культурных, национальных и социальных, общественное мнение наиболее занимает и даже восхищает большевизм», – писал в 1925 году министру иностранных дел Александру Сквижиньскому посол Речи Посполитой в Анкаре Роман Кноль, видный дипломат и тонкий знаток восточной тематики². В этих словах не было преувеличения.

¹ Так это выразил львовский правовед Станислав Стажиньски; он же, *Powojenny ustroj państw europejskich*, wyd. 2, Kraków 1926, s. 5.

² Политический доклад от 16 июля 1925 г., Archiwum Akt Nowych (далее AAN), Akta Romana Knolla, sygn. 4.

Действительно, среди аналитиков Востока преобладало убеждение в том, что в России, на развалинах царского *ancien régime*, делаются попытки создать новую, до сей поры неизвестную, цивилизацию. На практике существования государственного строя были отброшены основные принципы европейского конституционализма: принципы свободы личности, частной собственности и концепция правового государства³. Судьба этого эксперимента, наблюдаемая в условиях общего кризиса прежней системы ценностей, должна была вызывать интерес особенно у польских правоведов и экономистов. Она склоняла к размышлениям не только поляков. Ведь это были важные вопросы, определявшие будущее общественных классов всей современной Европы. В глазах польских советологов большевизм был движением, тесно связанным «с историей Европы как в генезисе, так и в инспирации, в своем классовом или философском исходном пункте»⁴.

Настоящая статья является лишь попыткой представить основы и границы проблемы, заявленной в названии⁵. Поэтому цель последующих рассуждений - это, прежде всего, набросать карту главных научных центров, на базе которых возникли в возрожденной Польше советологические исследования. Одновременно мы обозначаем здесь главные проблемы, вокруг которых велись споры и дискуссии исследователей большевизма и советской системы до 1939 года. Такая работа представляется полезной, поскольку проблема советологических исследований в Польше между двумя мировыми войнами до сих пор не была предметом изучения⁶.

³ Об этом прежде всего см.: A. Walicki, *Marksizm i skok do królestwa wolności. Dzieje komunistycznej utopii* (перевод автора), Warszawa 1996 [английское издание - Stanford 1995].

⁴ Доклад Р. Кнолля (16 июля 1925г.).

⁵ Автор подготовил монографию под названием *Początki sowietologii w Polsce międzywojennej (1918-1939 гг.)*, награжденную на конкурсе «Следы памяти», проведенном Министерством культуры и национального наследия за 2000 год.

⁶ Из литературы, существующей к настоящему времени, следует упомянуть только статью Р. и Г. Шавловских *Polish Sovietology 1918/19-1939* // "The Polish Review", Vol. XVII, 3/1972, s. 3-36. Наверняка первым автором, который поставил проблему польской советологической мысли как исследовательской проблемы, был Адам Кшижановски, автор неоконченного и неопубликованного очерка под названием «Польские писатели о большевизме», Библиотека и Архив Польской Академии Наук (Краков), Документы Адама Кшижановского, шифр 6835, т. 2.

Границы проблемы

Интерес к проблематике Советской России в Польше в период между двумя мировыми войнами был широк, хотя трудно было бы отказать в правоте Леону Василевскому, который в 1932 году написал: «в настоящее время [...] у нас знание России и ее недавней истории подвержено систематической атрофии – с одной стороны по причине вымирания того поколения, которое непосредственно сосуществовало с нашим восточным захватчиком, а с другой – в результате целенаправленной пропаганды, жертвой которой становится наше современное польское общество – как в своих правых, так и левых фракциях⁷. Однако на протяжении двадцатилетнего существования II Речи Посполитой возникла богатая литература, посвященная советологической тематике. Работы в этой области имели, естественно, разный интеллектуальный уровень, как с точки зрения широты взгляда, так и документирования формулируемых выводов. В двадцатые годы литература, посвященная вопросам большевизма и Советской России, носила, как правило, публицистический характер и часто была явно связана с мировоззренческой аргументацией, с тогдашними идеологическими спорами. Трудно в таких условиях говорить о научном мышлении в нынешнем значении этого понятия. Поэтому с начала двадцатых годов задача изучающих советскую проблематику заключалась в создании элементарных основ методологии советологических исследований, а также в разработке нового языка размышлений о проблемах большевизма и Советской России, языка объективного анализа. Такие задачи ставили перед собою, прежде всего, Людвик Кульчицки и Людвик Кшивицки – пионеры советологических исследований в Польше между двумя мировыми войнами. Такие же цели формулировал позже Виктор Сукенницки, автор работы «Эволюция строя Союза Советских Социалистических Республик в свете официальных публикаций советской власти (1938)⁸. С течением времени – начиная с конца двадцатых годов

⁷ L. Wasilewski (редактор), J. Kucharzewski, *Od białego caratu do czerwonego // "Niepodległość"*, R. X, z. 2, 1934, s. 143.

⁸ W. Sukiennicki, *Ewolucja ustroju Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich w świetle oficjalnych publikacji władzy radzieckiej*, cz. 1. "Sekcja Prawno-Polityczna", № 1 [В издании Научно-исследовательского института Восточной Европы на средства Фонда Национальной Культуры Юзефа Пилсудского], Wilno 1938.

– все больше появлялось разработок по-настоящему научных, документированных источниками, тщательных в интерпретации.

Таким образом, к советологическим работам мы относим те книги, статьи, трактаты и очерки, авторы которых, анализируя реалии революционной России, ставили перед собой на первое место познавательные цели, одновременно, по мере возможности, отходя от своих политических и мировоззренческих убеждений. Советология – это научные размышления об общественной жизни, строе и экономике революционной России. Поэтому для ее создателей было обязательным требование, сформулированное Людвигом Кульчицким: «воссоздавать существующую реальность наиболее возможным предметным образом»⁹, без субъективной ангажированности автора, на которую имеет право публицист. Кшивицки советовал как можно меньше оценивать, зато давать как можно больше документированного анализа.

Следует различать две проблемные области, а именно: советологические исследования и советологическую мысль. Поскольку первые связаны, прежде всего, с аналитическими научными размышлениями, то с точки зрения развития советологической мысли важны также и публицистические комментарии, ведь они нередко вдохновляющи и точны в интерпретации затрагиваемых проблем. Таким образом, рассказывая о зачатках польской советологии, нельзя полностью обойти публицистику, посвященную проблематике большевизма и советской системы. Ибо литература такого типа формировала общественные представления о советской России. Публицистика нередко ставила новые волнующие исследовательские вопросы, ответ на которые мог дать только конкретный научный анализ данной проблемы¹⁰.

⁹ Цит. по: T. Szturm de Sztrem, *Instytut Gospodarstwa Społecznego 1920-1944. Przyczynek do historii instytucji naukowo-społecznych w Polsce*, Warszawa 1959, s. 57.

¹⁰ Например, Роман Рыбарски опубликовал книгу *Siła i Prawo* (Warszawa 1936), которая носит характер эссе. Однако в нем автор выдвинул весьма интересную концепцию «монопольного государства», и поэтому данную работу нельзя не учитывать, анализируя воззрения польской науки периода двадцатилетия между двумя мировыми войнами на тоталитарные государства. Поэтому также несправедливо обходит молчанием эту книгу Михал Муселяк в своей работе *Nazizm w interpretacjach polskiej myśli politycznej okresu międzywojennego*, Poznań 1997. Другим примером является эссе Флориана Знанецкого *Upadek Zachodu* (Poznań 1921).

К советологам мы относим, прежде всего, всех научных работников, которые изучали конкретные исследовательские проблемы по тематике большевизма и Советской России, публикуя результаты своей работы в печати в 1918-1939 гг. Здесь необходима предварительная классификация авторов работ в области советологической тематики. Польских советологов, работавших в период между двумя мировыми войнами, мы делим на несколько групп¹¹. К ним относятся авторы, для которых советологическая проблематика являлась основным полем исследований на протяжении длительного периода и научная деятельность которых была связана с возникающими на территории Польши советологическими центрами и институтами. К этой группе следует отнести, прежде всего, двух исследователей из вильненского Научно-исследовательского института Восточной Европы: юриста Виктора Сукеницкого (1901-1983) и экономиста Станислава Свяневича (1899-1997), хотя оба исследователя на протяжении периода между двумя мировыми войнами занимались не только советологией¹². Вторую группу образуют ученые, не входившие в состав советологических исследовательских коллективов, но проводившие «индивидуально» исследования большевизма и советской системы в течение ряда лет. Это, например, Людвик Кульчицки (профессор варшавской Школы политических наук)¹³, Леопольд Каро (профессор Львовского политехнического института)¹⁴, Игнаци Чума (Люблинский католический университет)¹⁵ или о. Антони

¹¹ В контексте такого деления необходимо отметить, что оно имеет предварительный характер и, конечно, дискуссионно.

¹² Виктор Сукеницки, как известно, занимался тематикой международного права и теории права (ср.: он же, *La souverainete des Etats en droit international modern*, pref. A de Lapradelle, Paris 1927; он же, *Podstawa obowiazywania Prawa narodow. Studium prawnicze* // "Rocznik Prawniczy Wilecki", t. III, 1929), Станислав Свяневич же исследовал также экономические проблемы III Рейха (ср.: он же, *Polityka gospodarcza Niemiec Hitlerowskich* // "Biblioteka Dwutygodnika", Warszawa 1938).

¹³ L. Kulczycki, *Rewolucja rosyjska. Od dekabrystow do wkdrówki 1825-1870*, t. 1-2, Lwyw 1909-1910.

¹⁴ Ср.: L. Caro, *Od Wiery Sassulicz do Lenina* // "Kwartalnik Historyczny", R. 41, 1927, s. 325-348, а также: он же, *Idee przewodnie ustawodawstwa sowieckiego* // "Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny", R. IX, z. 2, 1929, s. 205-223, он же, *Lenin. Człowiek i dzieło* // "Ekonomista", t. 29, 1929, s. 103-112; он же, *Polityka zagraniczna Sowietow* // "Przegląd Polityczny", t. X, 1929, s. 57-74.

¹⁵ I. Czuma, *Konstytucja Rosji Sowieckiej* // "Czasopismo Prawnicze i Ekonomiczne" (Krakow), R. XX, 1923, s. 65-121; он же, *Dzisiejsza filozofia*

Шиманьски (Люблинский католический университет)¹⁶. Советологические исследования не являлись, однако, для них главной темой научных интересов, скорее они были производными размышлений над переменами в строе и экономике европейских государств, происшедшими между двумя мировыми войнами. К третьей группе мы относим авторов, которые не были советологами, но опубликовали хотя бы одну, но важную работу в области советологии – часто в качестве кандидатской или докторской диссертации. Потом они уже к этим вопросам не возвращались. Фамилии этих авторов, как правило, сегодня забыты или вообще неизвестны. Нередко все же их работы имели довольно большое познавательное значение. Вспомним здесь для примера д-ра Вацлава Боровского (Познаньский университет)¹⁷, д-ра Эдварда Писарека (Ягеллонский университет)¹⁸. В этой же группе следует назвать экономистов Вацлава Фаберкевича (варшавский Институт общественного хозяйства)¹⁹, инженера Александра Рингмана²⁰,

sowieckiego prawa a romantyzm prawniczy, Lublin 1930; он же, *Rolnictwo w Rosji* // "Ogniwo", 1920/1921; он же, *Państwo sowieckie*, Lublin 1938. Ср. также статьи И. Чумы в люблинском ежеквартальном издании "PrN": *Prymitywizm gospodarczy rewolucji sowieckiej*, (1929); он же, *Bezskuteczność socjalizmu i bolszewizmu* (1933); *Bolszewicka dialektyka moralności* (1930).

- ¹⁶ о. А. Шиманьски специализировался в области социальной политики. Из его советологической публицистики см., прежде всего: *Bolszewizm jako prąd kulturalny i cywilizacyjny* // "PrN", z. 4, 1937, s. 207-243. При этом о. Шиманьски был автором изрядного количества рецензий на публикуемые советологические работы.
- ¹⁷ W. Borowski (E. Taylor (red.)), *Inflacja i reforma waluty w Rosji Sowieckiej* // "Poznanskie Prace Ekonomiczne", t. 12, Poznac 1927. Автор был учеником Эдварда Тейлора, выпускником Познаньского университета.
- ¹⁸ Автор исследовал проблему социального строя в русской деревне в контексте большевистского коллективизма. Ср.: E. Pisarek, *Z form wspólnego użytkowania ziemi na Wschodzie Europy. Od obszczyzny do kolchozu*, Krakow 1934. Эта работа была кандидатской диссертацией автора на факультете права и управления Ягеллонского университета.
- ¹⁹ W. Fabierkiewicz, *Rosja współczesna. Odbudowa gospodarcza*, Warszawa 1926. Ср. также: он же, *Gospodarcze podłoże ponownego zainteresowania zagadnieniem rosyjskim*, оттиск из: "PrzeeglN Polityczny", Warszawa 1925.
- ²⁰ A. Ringman, *Stan gospodarczy Rosji Sowieckiej*, Warszawa 1930. Автор этого глубокого исследования был служащим Министерства труда и социальной опеки. В конце 1919 г. он находился с дипломатической миссией в Турции, Румынии и на юге России, целью которой было зондирование готовности представителей «белых» к антибольшевистскому соглашению с Польшей [об этом см.: J. Cisek, *Rozmowa Piłsudski-Machrow. Przyczynek do stosunków Polski z "białą" Rosją w roku 1920* // *Z dziejów polityki i dyplomacji*.

Болеслава Цирулинского²¹, Зыгмунта Шемплинского²²; юристов Константы Гжибовского (факультет права и управления Ягеллонского университета)²³, Вацлава Комарницкого (вильненский Университет им. Стефана Батория)²⁴, Францишека Анцевича (Вильненский институт)²⁵, Щенсны Вахгольца (доцента Ягеллонского университета)²⁶, д-ра Тадеуша Хромецкого [Тадеуша Корвина]²⁷, Тадеуша Теслира²⁸, социолога Александра Герца²⁹, историка

Studia poświęcone pamięci Edwarda hr. Raczyńskiego Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej na wychodźstwie, Warszawa 1994, s. 211-212].

- ²¹ B. Syrulicki, *Koncesje zagraniczne w ZSRR*, Wilno 1935. Автор был сотрудником факультета права и общественных наук Университета им. Стефана Батория.
- ²² S. Szemplicski, *Pieniądz i skarbowość w ZSRR*, Wilno 1929. Ср.: он же, *Prawa ekonomiczne i planowe regulowanie życia gospodarczego w ZSRR* // "Ekonomista", R. XXX, 1930, z. 30, s. 127-133.
- ²³ K. Grzybowski, *Ustrój Związku Socjalistycznych Sowieckich Republik (Rosji Sowieckiej)* // "Przegląd Współczesny", R. VII, 1928, t. 27, s. 293-317 [книжное издание под названием *Ustrój Związku Socjalistycznych Sowieckich Republik. Doktryna i konstytucja*, Kraków 1929].
- ²⁴ W. Komarnicki, *Nowy ustrój Związku Sowieców* // "Rocznik Prawniczy Wileński", t. 10, 1938, s. 169-208.
- ²⁵ Dr. F. Ancewicz, *Stalinowska koncepcja państwa*, przedm. Waclaw Komarnicki // "Wileńska Biblioteka Prawno-Społeczna", t. I, Wilno 1939.
- ²⁶ S. Wachholz, *Nowy ustrój Związku Sowieckiego* // "Przegląd Współczesny", nr. 189-190, 1938 [+ отдельный оттиск, Warszawa 1938, s. 27]. Ср. также рецензию В. Суkenницкого *Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny*, R. XIX, 1939, s. 594-596.
- ²⁷ См.: T. Korwin, *Podstawy ustrojowe Związku Sowieckiego. Studium polityczno-prawne*, Warszawa 1933. Автор этого исследования под собственным именем (Т. Хромецкий) опубликовал интересную монографию на тему итальянской политической системы под названием *Autorytatywne państwo korporacyjne Mussoliniego*, Warszawa 1938. Т. Хромецкий находился на дипломатической службе с 1927 года, в 1928-1939 гг. он был атташе посольства РП в Москве, а с октября 1934 г. 2-м секретарем Посольства РП в Риме (на Квиринале).
- ²⁸ T. Teslar, *Zarys ustroju i władz państwowych ZSRR*, Warszawa 1928. В двадцатые годы автор был корреспондентом Польского Телеграфного Агентства в Москве. Из публицистических работ этого автора ср. следующие: *Narody w sieci Sowietów*, Warszawa 1927; он же, *Czerwona gwiazda. Prawda o komunizmie i Sowietach*, Warszawa 1928; он же, *Kiedy będzie wojna z Sowietami*, Warszawa 1929. Заслуживают внимания его размышления об антисемитизме в СССР под названием: *Żydzi na wulkanie sowieckim*, Warszawa 1928.
- ²⁹ A. Hertz, *O władzy Stalina*, 1938 [в сборнике статей и эссе этого автора о тоталитарных системах под названием *Szkice o totalitaryzmie*, Warszawa 1991].

литературы Рафала Блюта³⁰, слависта Вацлава Ледницкого (Ягеллонский университет)³¹, специалиста в области экономики сельского хозяйства Витольда Станевича (Университет им. Стефана Батория)³², публициста Константы Сроковского³³ и на достаточно почетном месте историка философии Богумила Ясиновского (Университет им. Стефана Батория)³⁴.

Не обходя вниманием публицистику, посвященную проблемам тоталитарных государств и большевизму, мы хотим подчеркнуть, что в этом жанре – на протяжении двадцатилетия между двумя мировыми войнами – высказывались известные ученые и авторитетные польские интеллектуалы того времени³⁵. Из наиболее значительных польских гуманитариев назовем здесь Мариана Здзеховского³⁶, Флориана Знанецкого³⁷, Адама Кшижановского³⁸, Романа Рыбарского³⁹, Адама Хейделя⁴⁰, Станислава Кутшебу⁴¹, а также Яна Кароля

³⁰ R. Błith, *Likwidacja leninowskiej elity* // "Przegląd Współczesny", R. LXVI, 1938, s. 120-143.

³¹ W. Lednicki, *III Międzynarodówka (Moskiewska) a parlamentaryzm i propaganda* // "Przegląd Dyplomatyczny", R. II, 1920, s. 146-147.

³² W. Staniewicz, *Kolektywizacja rolnictwa Rosji Sowieckiej* // "Rocznik Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej w Wilnie", t. 2, 1934, s. 117-168.

³³ K. Srokowski, *Elita bolszewicka*, Kraków 1927 [опубликовано в отрывках в "Przeglądzie Współczesnym"].

³⁴ B. Jasinowski, *Wschodnie chrześcijaństwo a Rosja na tle rozbioru pierwiastków cywilizacyjnych Wschodu i Zachodu* // "Rocznik Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej w Wilnie", Wilno 1933.

³⁵ Эти проблемы рассматривает Л. Пионтковский в работе *Związek Radziecki w publicystyce polskiej 1922-1928*, Lublin 1992. В этой работе, однако, не представлен углубленный анализ затронутой проблематики.

³⁶ Из весьма многочисленных работ М. Здзеховского на тему большевизма ср., прежде всего: *Europa, Rosja, Azja. Szkice polityczne*, Wilno 1923 и он же, *Wpływy rosyjskie na polską duszę*, Kraków 1920. Библиографию работ Здзеховского содержит «Памятная книга», подготовленная к 50-летию юбилею его литературного творчества, см.: W. Lednicki (red.), *Z zagadnień kulturalno-literackich Wschodu i Zachodu*, Kraków 1933/1934.

³⁷ F. Znaniecki, *Upadek Zachodu*, Poznań 1921 [изд. Комитета национальной обороны]. Перепечатка: то же // *Pisma filozoficzne*, t. 2, oprac. J. Wocial, Warszawa 1991.

³⁸ A. Krzyżanowski, *Bolszewizm*, Kraków 1920; он же, *Socjalizm po wojnie*, Kraków 1920.

³⁹ R. Rybarski, *Siła i prawo*, Warszawa 1936.

⁴⁰ Ср. также: A. Heydel, *Kapitalizm i socjalizm wobec etyki* // "Przegląd Współczesny", t. 22, 1927, s. 435-469.

⁴¹ S. Kutrzeba, *Państwa totalne*, Kraków 1937.

Кохановского⁴². Их высказывания концентрировались вокруг проблемы причин развития тоталитарных систем на сравнительном фоне. Эти рефлексии сочетались с широкой перспективой взгляда, часто принимавшей форму размышлений о будущем европейской культуры и западной цивилизации.

Глубокие и бурные социальные и структурные преобразования в Европе после Первой мировой войны пробуждали интерес к этой тематике среди польских писателей, пишущих на политические темы, а также публицистов II Речи Посполитой. Ведь размышления о большевизме и Советской России затрагивали проблемы слишком животрепещущие для будущего Польши и Европы. Это также обосновывало необходимость исследований в области советологической тематики. В этот круг входят также размышления политиков, например, Болеслава Лимановского⁴³, Казимежа Чаплиньского и Мечислава Недзялковского⁴⁴, а также Станислава Грабского⁴⁵, Казимежа Закшевского⁴⁶, Артура Сливиньского⁴⁷, Александра Тшаски-Хшонщевского⁴⁸. Сюда также относится публицистика о. Стефана Вышиньского⁴⁹, о. Аугустына Якубисяка⁵⁰ и таких связанных с Люблинским католическим университетом ученых, как о. Антони Шиманьски, а также о. Стефан Пастушка⁵¹. Иной характер, но также публицистический, носили произведения Леона Василевского, касающиеся

⁴² Сравни два сборника очерков Я. К. Кохановского под названиями *Wśród zagadnień naszej doby*, Warszawa 1934 и *Humanizm a człowiek. Spostrzeżenia i drogowskazy*, Warszawa 1937.

⁴³ B. Limanowski, *Bolszewickie państwo w świetle nauki*, Warszawa 1921.

⁴⁴ K. Czapicki, M. Niedziałkowski, *U źródeł bolszewizmu. (Dwa odczyty postów sejmowych)*, Lwów 1921.

⁴⁵ S. Grabski, *Rewolucja*, Warszawa 1921.

⁴⁶ K. Zakrzewski, *Od Lenina do Hitlera* // "Przełom", z. 50-52, 1930, z. 7-9, 1931 (+ оттиск).

⁴⁷ A. Śliwiczski, *Na przełomie dwóch epok*, Warszawa 1931.

⁴⁸ A. Trzaska-Chrzczewski, *Przyptywy i odpływy demokracji*, Warszawa 1939.

⁴⁹ Ks. S. Wyszycski, *Kultura bolszewizmu a inteligencja polska*, Włocławek 1938.

⁵⁰ Ks. A. Jakubisiak, *Fondements intellectuels de communisme*, Paryż 1932. о. Якубисяк создал во Франции в 1940 году периодическое издание, посвященное традициям европейской антитоталитарной мысли - "La Pensee anti-totalitaire".

⁵¹ Ks. A. Pastuszka, *Filozofia komunizmu: materializm* // *Bolszewizm*, Praca zbiorowa, Lublin 1938, s. 1-29; он же, *Psychologia komunizmu* // "Bolszewizm...", s. 216-250.

Советской России, однако также связанные с национальной проблематикой⁵². Здесь еще надо вспомнить публикации военных авторов – например, Рышарда Враги (капитана Ежи Незбжицкого)⁵³. В этой же плоскости размещается также достаточно богатое и разнообразное литературное творчество Владзимежа Бончковского, в значительной части посвященное тематике Советской России⁵⁴. Сюда, наконец, мы должны включить статьи и книги Владыслава Студницкого⁵⁵, который анализировал геополитическое положение СССР и географическую обусловленность зарубежной политики этой державы. Все эти литературные жанры мы относим к четвертой группе.

Значительную (пятую) группу образуют воспоминания, опубликованные в разнообразной форме, написанные на разном интеллектуальном уровне – репортажи, отчеты и размышления, созданные под впечатлением наблюдений за реалиями советской России⁵⁶. Нередко публикации такого рода были интересны в аналитической плоскости. Здесь, в частности, следует отметить книги и очерки Яна Парандовского⁵⁷, Станислава Мацкевича⁵⁸, Антони Слоним-

⁵² L. Wasilewski, *Europa po wojnie*, Warszawa 1924; он же, *Sprawy narodowościowe w teorii i w życiu*, Warszawa 1929; он же, *Świat po wielkiej wojnie*, Warszawa 1930.

⁵³ R. Wraga [Jerzy Niezbrzycki], *Sowiety grożą Europie!*, Warszawa 1935.

⁵⁴ W. Bnżkowski, *Czy prometeizm jest fikcją? // "Problemy Europy Wschodniej"*, z. 1, 1939, s. 1-16; он же, *W obliczu wydarzeń*, Warszawa 1939; он же, *Wschód a Polska // "Wschód/Orient"*, z. 2-4, 1934 [+ оттиск, Warszawa 1935, s. 25]; он же, *Prometeizm polski*, brw. s. 18. См. также: Bnżkowski, *O wschodnich problemach Polski. Wybór pism*, wstęp, wybór i oprac. J. Kłoczowski i P. Kowal, Kraków 2000. Уже после войны Бончковски опубликовал свои, наверное, наиболее важные работы, посвященные советологической тематике: *Rosja wczoraj i dziś. Studium historyczno-poliryczne*, Jeruzolima 1946 [в английской версии под названием "Towards an Understanding of Russia. A Study in Policy and Strategy", Yerusalem 1947].

⁵⁵ W. Studnicki, *Rosja Sowiecka w polityce światowej*, Wilno 1932. Эта работа стала результатом чтения лекций Студницким в Вильненском научно-исследовательском институте Восточной Европы 1930-1932 гг. Ср. также рецензию Ю. Свенцицкого на эту книгу // "Rocznik Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej", t. II, 1934, s. 354-356.

⁵⁶ В этих вопросах поможет антология, составленная Ежи Кохановским, под названием *Spojrzenie na Rosję*, Warszawa 1994.

⁵⁷ J. Parandowski, *Bolszewizm i bolszewicy w Rosji*, Lwów 1919 [переиздание: Warszawa 1994].

⁵⁸ S. Mackiewicz, *Myśl w obcokach*, Wilno 1930.

ского⁵⁹, Мельхиора Ваньковича⁶⁰, Яна Отмара Берсона⁶¹ и Мечислава Лепецкого⁶². Литература такого рода несомненно формировала коллективное представление польского общества (во всяком случае его элиты) о большевистской России. Поэтому данные публикации нельзя обойти, так же, как нельзя не принимать во внимание западную литературу по этой тематике. Например, книги таких французских авторов, как Борис Суварин, Пьер Паскаль⁶³, Виктор Серж⁶⁴, Панаит Истрати⁶⁵, Антон Силига⁶⁶, или таких английских, как Уолтер Ситрин⁶⁷. Эта литература указывала пути советологии в Западной Европе, хотя высказываемые в данных работах взгляды имели слишком субъективную окраску и часто минимальную познавательную ценность⁶⁸.

Нельзя, наконец, не упомянуть публицистов и общественных деятелей, которые пытались организовать антикоммунистическое движение в Польше, и этой задаче служила их советологическая публицистика. К этой группе (шестой) следует отнести таких авторов, как о. д-р Антони Квятковски (основатель и директор варшавского Института научных исследований коммунизма), о. Ян Урбан (редактор журнала «Oriens» и инициатор так называемого неоуниатского движения) или Хенрык Глясс (издатель журналов «Битва с

⁵⁹ A. Słonimski, *Moja podróż do Rosji*, Warszawa 1932.

⁶⁰ M. Waczkowicz, *Opierzona rewolucja*, Warszawa 1934.

⁶¹ J. Berson [Otmar], *Nowa Rosja. Na przelomie dwóch piatyletek*, przedm. I. Matuszewski, Warszawa brw. [1934], а также: он же, *Kreml na biało*, Warszawa 1936. Ср. также: он же, *Sowieckie zbrojenia moralne*, Warszawa 1935. В 1934 г. Бергсон был выдворен из Москвы. Во время Второй мировой войны он оказался в Стокгольме. Дальнейшую его судьбу нам установить не удалось.

⁶² Kpt. M. B. Lepecki, *Sybir bez przekleństw. Podróż do miejsc zesłania marszałka Piłsudskiego*, Warszawa 1934.

⁶³ P. Pascal, *La Russie rouge*, Paris 1921.

⁶⁴ V. Serge, *Mémoires d'un révolutionnaire 1901-1941*, Paris 1951; он же, *Destin d'une Révolution. URSS 1917-1937*, Paris 1937.

⁶⁵ P. Istrati, *Vers l'autre flamme. Apres seize mois dans l'URSS*, Paris 1929.

⁶⁶ A. Ciliga, *Au pays du grande mensonge*, Paris 1938.

⁶⁷ Sir W. Citrine, *In Search for Truth in USSR*, London 1937.

⁶⁸ F. Kupferman, *Au pays des Soviets. Le voyage français en Union soviétique 1917-1939*, Paris 1979. Ср. также: M. Ferro, *L'Occident devant la révolution. L'histoire et ses mythes*, Paris 1991. Ср. также: F. Furet, *Przeszłość pewnego zbudzenia. Esej o idei komunistycznej w XX w.*, Warszawa 1996.

большевизмом» и «Правда о коммунизме»). Литература такого типа носила исключительно полемический и «ангажированный» характер.

Отдельно следовало бы вспомнить организаторов первых в Польше центров советологических исследований, которые, однако, не были советологами и по этой проблематике не оставили никаких работ. К этой категории относятся проф. Стефан Эренкройц, доц. Владыслав Вельхорски (директор вильненской Школы политических наук), Станислав Кентшиньски (председатель Вильненского института), сенатор Станислав Седлецки (председатель варшавского Восточного института), проф. Влодзимеж Вакар (инициатор Союза сближения возрожденных народов), проф. Людвик Кшивицки (директор Института общественного хозяйства)⁶⁹. Эти ученые создавали институциональные основы востоковедческих и советологических исследований. Без их усилий советологические исследования в возрожденной Польше наверняка бы не появились.

Собственно советологом в прямом значении этого слова не был также и Ян Кухажевски, хотя он занимает совершенно особую позицию⁷⁰. Ведь не будет преувеличенным утверждение, что на карте польской советологии в период II Речи Посполитой он играл роль «института в одном лице». В 1932-1939 гг. Кухажевски читал лекции в Институте Восточной Европы в Вильно, но он не был тесно связан с этим советологическим центром. Его работа под названием «От белого

⁶⁹ См.: *Ludwik Krzywicki. Praca zbiorowa poświęcona jego życiu i twórczości*, Warszawa 1938.

⁷⁰ Из биографической литературы о Кухажевском ср.: J. Maternicki, *Jan Kucharzewski* // "Polski Słownik Biograficzny", t. XVI, Wrocław 1971, s. 58-61. Ср. также: О. Halecki, *Śp. Jan Kucharzewski* // "Teki Historyczne", t. V, 1952, s. 106-109 и W. Studnicki, *Ludzie, idee i czyny*, brw. [Warszawa 1937] (несколько замечаний). Портрет историка у В. Каменецкого, *Historycy i politycy warszawscy 1900-1950*, oprac. A. Juzwenko, Wrocław 1992 и Ż. Nagyrski (senior), *Ludzie mego czasu. Sylwetki*, Paryż 1964. О его роли в польской политике во время Первой мировой войны: M. Sokolnicki, *Rok czternasty*, Londyn 1961. Ср. также воспоминания: J. Rajewski, *Poza wczoraj*, Poznań 1992. О диссертации Кухажевского на тему генезиса большевизма критический материал: W. Lednicki, *Pamiętniki*, t. 1-2, Londyn 1967. Об актуальности и значении Кухажевского ср.: W. Karpicki [пер. Kazimierz Opalicki], *O duchu bezprawia* // "Kultura" (Paryż), z. 12 (327), 1974, s. 9-23 [то же в: *Prywatna historia wolności*, Warszawa 1997. О месте этого исследователя в историографии: M. Kornat, *Spory o Kucharzewskiego* // "Arcana" (Kraków), nr 26, 1999, s. 123-133 oraz "Arcana", nr 29, 1999, s. 156-169.

царизма к красному» касалась генезиса революционного «максимализма» и большевизма в России⁷¹. Это многотомное сочинение среди работ польских советологов периода между двумя мировыми войнами имеет фундаментальное значение, и в масштабе этого периода ему нет равных с точки зрения широты взгляда и диапазона эрудиции. На заре польской советологии этот историк сыграл, таким образом, видную роль, а его взгляды являлись точкой отсчета для дальнейших разысканий, хотя в тогдашних условиях они не вызвали надлежащего резонанса в историографии.

Собственно, только исследователи первых двух групп были советологами в полном значении этого термина.

Следует помнить еще об одном обстоятельстве. Исторические науки не сыграли на заре советологии столь значительной роли, как правовые и экономические науки. Историография, если исключить упомянутое многотомное исследование Кухажевского, мало интересовалась советологической проблематикой. Впрочем, трудно этому удивляться. Среди историков господствовало убеждение, что объективный научный анализ прошлого требует временной дистанции, которая отделяет исследователя от описываемых событий. Поэтому также в тогдашнем университетском обучении изложение всеобщей истории заканчивалось цезурой 1870-1871 годов (то есть объединением Германии, которое положило начало новой расстановке сил в Европе). Более поздних событий – в том числе истории русской революции 1917 г. – лекции всеобщей истории не охватывали. Эти вопросы доставались на откуп исторической публицистике. Такое положение дел нашло свое структурное отражение в организации университетского обучения истории в возрожденной Польше. В результате изменения расклада сил в Восточной Европе и в России после Первой мировой войны выделилась история Восточной Европы. Были созданы первые кафедры истории Восточной Европы. Среди пяти тогдашних польских университетов два решились создать такие научные подразделения. В Варшавском университете лекции по данной

⁷¹ J. Kucharzewski, *Od białego caratu do czerwonego*, t. 1-7, Warszawa 1923-1935. В настоящее время вышло переиздание этой книги в издательстве PWN под ред. Павла Вечеркевича и Анджея Шварца. О концепции Кухажевского и его восприятии ср. замечания автора [M. Kornat, *Spory o Kucharzewskiego // "Arcana"* (Krakow), cz. 1, z. 3 / 1999, cz. 2, nr. z. 1999].

тематике поручили в 1921 году д-ру Оскару Халецкому⁷², а в Вильно, в Университете им. Стефана Батория кафедру такого профиля возглавил Феликс Конечны (1921-1929). После его ухода на пенсию заведующим кафедрой стал доц. Хенрык Ловмяньски⁷³. Лекции на этих кафедрах охватывали, как правило, проблематику Восточной Европы с конца XVIII века. Об истории России XIX века лекции в университетах не читались. В таких условиях советологические исследования могли получить институциональную базу только в рамках факультетов права и политических наук, поскольку доктрина большевизма и советская система являлись проблемой, достойной внимания, прежде всего, юристов и экономистов.

По этим причинам важнейшие центры и исследовательские группы советологов возникали при университетских юридических факультетах.

Особенно важно то, что в период между двумя мировыми войнами в Польше произошел процесс институционализации политических наук, хотя развивался он с известным отставанием от Западной Европы. Заботе о введении этой дисциплины в университеты с самого начала сопутствовала мысль о том, что политические науки должны не только быть дополнением к изучению права, но и давать «образование в политико-правовом, административно-правовом, историческом и экономическом аспектах, что позволит понять особые условия, в которых живет наше общество», как выразил это Роман Рыбарски⁷⁴. Истоки польской советологии тесно связаны с этим процессом. Советологические исследования в академическом понимании возникли именно на базе становления института политических наук. Вспомним здесь, что процесс организационного выделения политических наук из факультетов права, существовавших до этого в европейских университетах, развивался с конца XIX века. После «великой войны» он набрал динамики. Еще до 1914 г. на польских землях были созданы школы политических наук во Львове и Кракове. При юридическом факультете восстановленного в 1915 г.

⁷² О. Халецки возглавлял эту кафедру в течение всего двадцатилетия между двумя мировыми войнами (то есть до 1939 г.).

⁷³ О позиции Хенрыка Ловмяньского в науке ср.: J. Bardach, *Henryk Łowmiański jako badacz Litwy historycznej* // он же, *O dawnej i niedawnej Litwie*, Poznań 1988, s. 399-430.

⁷⁴ R. Rybarski, *Polska Szkoła Nauk Politycznych w Krakowie* // "Przegląd Powszechny", t. LXIX, 1913, s. 148.

Варшавского университета была организована Школа политических наук уже в том же году. После дальнейших изменений это был самый крупный польский центр такого типа в эпоху II Речи Посполитой. Во Львове при университете им. Яна Казимира Школа политических наук действовала совместно с Дипломатическо-консульскими курсами. На протяжении периода между двумя мировыми войнами было проведено значительное расширение и модернизация обучения политическим наукам. Было увеличено число предметов предлагаемых лекций, и все чаще проводились исследования в области современных политических доктрин и общественных движений. В варшавской Школе политических наук начались лекции по истории дипломатии (до 1919 г.), обсуждалась также так называемая восточная проблема, но слишком мало уделялось внимания проблемам особого значения с точки зрения геополитического положения Польши, то есть ситуации в Германии и Советской России⁷⁵. Подобным образом дело обстояло и в Кракове, с той лишь разницей, что экономические концепции большевизма затрагивали в своих лекциях Адам Хейдель и Эдвард Тейлор⁷⁶. Лишь возникшая в 1930 г. вильненская Школа политических наук стала предлагать вниманию своих слушателей лекции и семинары по проблематике общественного строя, экономики и внешней политики СССР.

Советологические исследования во II Речи Посполитой формировались не только в рамках вновь возникших школ политических наук, а также, по определению Тадеуша Штурма де Штрема, в рамках «научно-общественных институтов». О создании специализированного института для изучения революционной России и Восточной Европы, который бы не зависел от правительственной администрации, в возрожденной Польше думали уже в начале двадцатых годов. Решающим доводом, который лег в основу этих намерений, стали интеллектуальные потребности внешней политики польского государства. Геополитические реалии предрешили

⁷⁵ Ср.: *Szkoła Nauk Politycznych w Warszawie. Rocznik XXIII, oraz program nauk na XXIV rok szkolny 1938-1939*, Warszawa 1938, s. 70-71.

⁷⁶ А. Хейдель читал лекции об «общественных и экономических отношениях в современной России». Э. Тейлор (профессор Познаньского университета) вел в 1921/22 учебном году курс под названием «Экономика коммунизма и коллективизма», *Archiwum UJ*, sygn. SNP-9.

тот факт, что от развития ситуации в России и на востоке Европы в значительной степени зависело будущее Речи Посполитой, ее безопасность и внешнее положение. Эти аргументы явно свидетельствовали в пользу создания центра, в котором бы систематизировались исследовательские работы по тематике большевизма, послереволюционной России и национальных государств Восточной Европы.

В середине двадцатых годов началась организация интеллектуальной базы польской внешней политики. Стали создаваться научные центры по международным проблемам. Тогда был образован Балтийский институт в Торунь (директор д-р Юзеф Боровик)⁷⁷, Силезский институт в Катовицах и – о чем еще будет идти речь – Восточный институт в Варшаве, а также варшавский Институт национальных проблем. В апреле 1925 г. по инициативе министра Александра Скшиньского был создан Научный совет Министерства иностранных дел⁷⁸. В состав этого коллектива входили, в частности, видные историки: Марцели Хандельсман, Оскар Халецки, Бронислав Дембиньски и Францишек Пуласки. Секретарем Совета был д-р Кароль Бадер, дипломат и публицист. Первое заседание состоялось 28 мая 1925 г. Министерство заказало предварительную разработку таких тем, как доступ Польши к морю и Вольный город, проблемы геополитической расстановки сил в Балтийском регионе, а также создание исчерпывающей монографии о Лиге Наций. Советологическая тематика не занимала в работах Совета заметного места⁷⁹.

Какие факторы обусловили интерес польских исследователей к советологической тематике?

Рышард Шавловски считает, что у отдельных ученых их исследовательский интерес в области советологии наверняка был обусловлен биографическими мотивами⁸⁰. Польские исследователи и аналитики большевизма выносили хорошее знание России хотя бы из учебы в российских университетах. В случае вильненского Научно-исследовательского института

⁷⁷ "Pamiętnik Instytutu Bałtyckiego", t. 1-2, 1929-1930.

⁷⁸ Papiery Marcela Handelsmana, Arch PAN (Warszawa), sygn. III-10, 227.

⁷⁹ Совет функционировал только восемь лет, то есть до 1933 года. После отставки министра Аугуста Залесского новое руководство ведомства иностранных дел не было заинтересовано в деятельности этой структуры.

⁸⁰ H. i R. Szawłowski, op. cit., s. 3.

Восточной Европы эта биографическая обусловленность прослеживается весьма явно. Так, к примеру, автор идеи создания института Стефан Эренкройц сидел в России в тюрьме как деятель Польской социалистической партии⁸¹, Виктор Сукенници свое образование получил в российской гимназии в Рыбинске на Волге во время Первой мировой войны. Станислав Свяневич учился в университете в Москве как раз во время Февральской революции. Богумил Ясиновски изучал право в Харькове⁸². Создатель Института научного изучения коммунизма прелат Антони Квятковски также хорошо знал российские реалии, будучи выпускником и преподавателем Духовной Академии в Петербурге, а во время Первой мировой войны – деятелем петроградского Комитета помощи жертвам войны. Адам Хейдель – экономист, который внимательно анализировал послереволюционные преобразования российской экономики, – провел в России время с 1915 по 1918 гг., где учился и занимался общественной деятельностью⁸³. Примеров из этой области можно привести еще много.

Проблема России на протяжении XIX века занимала основное место в польской интеллектуальной жизни. Россия была ведущей темой польской политической мысли эпохи разделов Польши⁸⁴. Таким образом, польские советологи обращались к богатой традиции рефлексий в этой области в польской исторической и политической мысли XIX века. Достаточно в этом кругу упомянуть исследования Хенрыка Каменьского, Зыгмунта Красиньского, Юлиана Клячки, Яна Кухажевского, публицистику Тадеуша Налепиньского, Владыслава Яблоновского, Антони Холоневского и Станислава

⁸¹ Ср.: биографическая заметка об Эренкройце Р. Мельницкого // "Kwartalnik Historyczny", z. 3-4, 1946, s. 483-484.

⁸² Данные о биографии д-ра Б. Ясиновского см.: Archiwum Uniwersytetu Jagiellockiego w Krakowie, akta habilitacyjne, sygn. 504.

⁸³ A. Heydel, *Curriculum vitae* // akta profesorskie, Archiwum Uniwersytetu Jagiellockiego w Krakowie, sygn. S II - 619. Хейдель много внимания посвящал экономической проблематике Советской России и СССР, в основном в 1921-1934.

⁸⁴ По этой проблеме ср.: A. Juzwenko, *Rosja w polskiej myśli politycznej lat 1864-1918* // *Polska myśl polityczna XIX i XX wieku*, t. 1, *Polska i jej sąsiedzi*, Wrocław 1975, s. 27-66. Ср. также: A. Nowak, *Rosja w polskiej myśli politycznej XX wieku – materiał do refleksji* // он же, *Polacy, Rosjanie i biesy. Studia i szkice historyczne z XIX i XX wieku*, Kraków 1998, s. 239-260.

⁸⁵ S. Kutrzeba, *Zródła i przeciwieństwa kultury polskiej i rosyjskiej*, Kraków 1917.

Кутшебы⁸⁵. Ключевое место в этом кругу занимают посвященные большевизму работы Мариана Здзеховского. К этому богатому наследию обращались создатели советологических исследований. Об этих предшественниках советологической мысли, развивавшейся в эпоху между двумя мировыми войнами, следует помнить.

Вспоминая сделанное польскими советологами в течение периода между двумя мировыми войнами, следует также помнить о географической предпосылке⁸⁶. Интерес к проблематике большевизма, исследования различных тоталитарных систем были основаны на убеждении в нестабильности положения возрожденной Польши в Европе «между Германией и Россией». Поэтому исследования политической системы и внешней политики СССР дополнялись интересом к национальному вопросу за восточной границей Речи Посполитой. «Наша цель, – программно декларировал Свяневич в католическом ежемесячнике «Пакс» в 1937 г., – сплотить вокруг польского народа другие народы, проживающие на территории между Северным Ледовитым океаном и Черным морем, зажатые между большевистской Россией и гитлеровской Германией»⁸⁷. В книге «Экономическая политика гитлеровской Германии» он в то же время писал, что «стиснутая между двумя страшно динамичными государствами-колоссами, Польша должна бдительно следить за всеми жизненными проявлениями наших соседей»⁸⁸. В таких условиях знание восточно-европейских проблем становилось велением времени. Развитие ситуации в СССР оказывало исключительное влияние на безопасность и положение польского государства. Советологи стремились анализировать угрозы, которые становились все более реальными для Польши. Сознавая это, они хотели пробиться к общественному мнению. Они верили, что это знание будет ориентировать польскую политическую мысль в нужном направлении. Задачи эти были принципиально реализованы лишь во втором десятилетии независимости – в тридцатые годы. Именно тогда среди польских советологов укрепились

⁸⁶ Ср.: K. Sochaniewicz, *Nauka polska a Wschód* // "Wschyd Polski", R. I, z. 5, 1920, s. 27-29.

⁸⁷ Цит. по: C. Zgorzelski, *Przywołanie z pamieci*, Lublin 1996, s. 84.

⁸⁸ S. Swianiewicz, *Polityka gospodarcza Niemiec Hitlerowskich* // "Biblioteka Polityki", Warszawa 1938, s. 5.

убеждение в том, что эти исследования вовсе не экзотическое и не непрактичное занятие, поскольку ситуация «на территории прежней российской империи» является «одним из важнейших факторов, от которых зависит наше будущее»⁸⁹.

На период между двумя мировыми войнами приходится несколько фаз усиленного интереса к революционной России в Европе и Польше, что нашло свое отражение в советологических трудах. Интерес к советологической тематике имел экономическую подоплеку⁹⁰. Ведь Россия продолжала оставаться огромным рынком сбыта, только неиспользуемым. Великий кризис и введение в СССР в это время первого пятилетнего плана нашли широкий отклик в публицистике и экономической мысли Западной Европы⁹¹.

Здесь несколько слов нужно сказать об источниках сведений о большевизме, Советской России и СССР, которые были доступны польским исследователям в условиях тогдашней эпохи. Конечно, в распоряжении исследователей имелся статистический материал. Анализировалось законодательство СССР. Накапливались и систематически пополнялись собрания советской прессы. Использовались также воспоминания, в основном российских политических эмигрантов, как представителей «белой России», так и публицистов революционного происхождения – троцкистов, меньшевиков⁹². Такого рода источники нужно было использовать осторожно и критически. Возникала проблема, в какой степени, например, опубликованные в СССР статистические издания соответствуют действительности. Ответ на этот вопрос дал В. Сукенницки. «Советские издания [...], – писал он, – почти все без исключения носят пропагандистский характер: стремятся представить действительность не “действительную”, а “воображаемую”. Однако даже при самом сильном искажении “действительной действительности”, они не могут совершенно с ней не считаться. И, благодаря этому, они являются ценным материалом для изучения этой реальности. Что касается опасности попасть под

⁸⁹ Так писал в 1939 году Станислав Свяневич. См.: он же, *W sprawie organizacji badań sowietoznawczych* // "Polityka", 18 czerwca 1939 r., s. 2.

⁹⁰ W. Szatensztein, *Zagadnienie stosunków naukowych z Rosją Sowiecką. Szkic ekonomiczny*, Warszawa 1921.

⁹¹ Z. Szemplicski, *Prawa ekonomiczne i planowane regulowanie życia gospodarczego w ZSRR* // "Ekonomista", R. 30, z. 3, s. 127-133.

⁹² Ср. также: G. Z. Biesiedowskij, *Pamiętniki dyplomaty sowieckiego*, przekł. autoryzowany A. L. Lasiccki, Katowice brw. [1937].

влияние пропагандистского внушения, то она обратно пропорциональна количеству используемого материала. Отрывочное знакомство с одним или несколькими большевистскими изданиями, которые случайно попадут в руки читателя, может склонить его к признанию правдивости картины действительности, представленной там, искаженной с пропагандистскими целями. Если же он ознакомится с большим количеством этих изданий и в особенности если он их систематически изучает, сопоставляет и сравнивает на протяжении более долгого отрезка времени, то накладываемые одна на другую картины “воображаемой действительности” разрушают друг друга, уничтожают, и тогда проступает достаточно четко и выразительно “действительная действительность”»⁹³.

Советологические исследования концентрировались вокруг шести главных тематических проблем.⁹⁴

(1) Проблемы общественно-политического строя СССР – в том числе в особенности изменения советского общества. К этой группе проблем принадлежало и функционирование властной элиты в Советской России, а также внутренняя ситуация в ВКП(б). Сюда также следует отнести такие исследовательские проблемы, как внутренние преобразования коммунистической партии в 1917-1937 гг., роль большевистской партии в политической системе СССР, анализ ее программы вместе с происходящими в этой области переменами. Здесь следует упомянуть работы Константы Сроковского, Александра Герца, Рафала Блюта.

(2) Экономические проблемы. В этой плоскости анализировались вначале (то есть в двадцатые годы) результаты так называемой «новой экономической политики» (нэп), позже (в тридцатые годы) исследования касались, прежде всего, сталинской программы индустриализации и планирования. В этом контексте проблем размещаются исследования проблематики сельского хозяйства в СССР, представленные в польской

⁹³ См.: Sukiennicki, *Ewolucja...*, s. 10.

⁹⁴ Такое деление мы принимаем вслед за Станиславом Свяновичем, см.: он же, *W sprawie organizacji badań...*, в разных местах книги.

⁹⁵ W. Mejer, *Rolnictwo Rosji Sowieckiej*, przedm. W. Staniewicz, Wilno 1937. Автор был учеником Станевича на кафедре экономики сельского хозяйства в Университете им. Стефана Батория.

⁹⁶ Dr C. Strzeszewski, *Rolnictwo w Rosji Sowieckiej // Bolszewizm*, там же, s. 174-215. Автор занимался католической проблематикой общественных наук и работал в Люблинском католическом университете.

литературе работами Витольда Станевича, Влодзимежа Мейера⁹⁵ или Чеслава Стшешевского⁹⁶.

(3) Национальные отношения в СССР, значение которых для будущего многонационального советского государства было особенно важным. Памятуя о том, что развитие экономической мощи обуславливает военные возможности данной страны, советологи с особым вниманием следили за экономической политикой советской власти и ее результатами. (В Польше по этой проблематике появились работы Стефана Стажиньского⁹⁷ и Миколая Ковалевского⁹⁸.)

(4) Проблематика политического строя Советской России (1917-1922) и Союза Советских Социалистических Республик (1921-1936). В этом подразделе помещается, прежде всего, проблематика правовой системы СССР и ее преобразования на протяжении двадцатилетия (1917-1936), то есть от октябрьского переворота до принятия сталинской конституции. К этому тематическому разделу относятся также проблемы марксистско-ленинской теории государства и права. Они отражены, в частности, в работах Виктора Сукенницкого, Францишека Анцевича, Константы Гжибовского, Щенсны Вахгольца, Адама Хромецкого.

(5) Проблемы интеллектуальной, религиозной и культурной жизни революционной России. В этом кругу проблем принципиальное место занимала политика революционного государства в отношении религии, с особым учетом проблем православной Церкви. Это поле советологических исследований привлекало в Польше сравнительно немного внимания. (Здесь следовало бы вспомнить важную работу украинского историка, работавшего в Варшаве, Александра Лотоцкого.)

(6) Внешняя политика СССР. Исследования в этой области не могли ограничиваться только анализом сиюминутных шагов советской дипломатии на международной арене. Они требовали взгляда на роль Коминтерна и на III Интернационал во внешней политике Кремля. Насущной проблемой было также отношение западного общественного мнения к СССР, которое на протяжении периода между двумя мировыми войнами подвергалось серьезным изменениям. В двадцатые годы особого внимания заслуживали отношения Москва-Бер-

⁹⁷ S. Starzycski, *Polityka narodowościowa Rosji Sowieckiej*, Warszawa 1926.

⁹⁸ M. Kowalewski, *Sowiecka polityka narodowościowa na Ukrainie w latach 1917-1937*, Warszawa 1938.

лин, поскольку, начиная с 1922 г., обе столицы связывала «специальная линия». В тридцатые же годы комментировалась и анализировалась, прежде всего, связанная с именем Максима Литвинова концепция «коллективной безопасности» в Европе.

В довоенной Польше исследования отдельных комплексов проблем происходили неравномерно. С конца тридцатых годов произошло заметное развитие, прежде всего, исследований экономической жизни Советского Союза. Появились также исследования в области политического строя и правовой системы СССР. Куда слабее выглядели работы по проблематике общественной жизни Советской России, национальных проблем и культурной жизни в СССР, хотя, конечно, были отдельные работы и по этой тематике⁹⁹. Не появилось также ни одного научного труда о правящей в советском государстве с 1917 г. Всесоюзной Коммунистической партии большевиков, что, несомненно, остается досадным упущением в проделанном польскими советологами.

Важнейшие исследовательские центры

В европейской советологии и востоковедении довоенного периода сформировались, в принципе, две модели исследовательских центров в этой области. Первая из них, более распространенная в применении, заключалась в постановке определенных исследовательских задач, с последующим заказом их разработки конкретным ученым, работающим индивидуально, на основании трудового договора¹⁰⁰. Исследовательский центр, организованный в соответствии с такой моделью, гибко координировал работу отдельных исследователей (которые, собственно, друг с другом не сотрудничали), давая им для выполнения определенные задания, которые они разрабатывали в виде монографий. Вторая, более дорогостоящая, модель советологических и востоковедческих исследований предусматривала создание специализированных исследовательских коллективов, работающих методом семинаров. Важной задачей, которая тут ставилась, был сбор материалов-источников, прессы, создание библиотек, чтобы подготовить необходимый методологический и интеллектуальный фундамент для систематических,

⁹⁹ A. Wiśniewski, *Stosunek Państwa do Kościoła w ZSSR*, Wilno 1938.

¹⁰⁰ S. Swianiewicz, *W sprawie organizacji...*, в разных местах.

многолетних исследований. Здесь следует вспомнить, что первая модель была распространена главным образом в англосаксонских странах, вторая же преобладала в Германии, где подобным образом действовали два наиболее престижных центра – то есть Институт Восточной Европы во Вроцлаве и Институт восточноевропейской экономики в Кенигсберге. В Польше выступали обе формы. Первую применяли в торуньском Балтийском институте, Силезском институте в Катовицах, в Институте изучения экономического состояния Восточных земель при Обществе развития Восточных земель, с центром в Луцке¹⁰¹, отчасти также в Восточном институте в Варшаве. Вильненский же научно-исследовательский институт Восточной Европы опирался на принцип коллективной семинарской работы, а через Школу политических наук в Вильно выполнялись также конкретные дидактические задачи, то есть велась подготовка советологов и специалистов по востоковедческой тематике.

*Институт общественного хозяйства в Варшаве и его
методологические работы*

Рассказывая о начале советологических исследований в возрожденной Польше, нельзя обойти вниманием Институт общественного хозяйства в Варшаве, хотя этот центр не был подразделением, созданным для советологических исследований. Начало Институту общественного хозяйства положило созданное еще до Первой мировой войны Бюро общественного труда¹⁰². В 1919 г. оно разделилось на две группы, поскольку часть сотрудников этого центра исповедовала национально-демократические взгляды, а часть идентифицировала себя с рабочим движением и Польской социалистической партией. В создавшихся условиях из Бюро ушли Хенрык Колодзейски, Эдвард Малишевски, Тадеуш Штурм де Штрем и Влодзимеж Вакар, которые создали Институт общественного хозяйства – сначала как автономную секцию Общества польских экономистов и статистиков¹⁰³. Тадеуш Штурм де Штрем писал, что «группа тогда еще

¹⁰¹ Институт изучения экономического состояния Восточных земель издавал журнал "Rocznik Ziemi Wschodnich RP". В 1934-1939 годах вышло 6 томов этого издания.

¹⁰² Основателем Бюро общественного труда был Владыслав Грабски.

¹⁰³ Об этом см.: T. Szturm de Sztrem, там же, s. 6-9.

молодых научных работников, имеющих широкие интересы в области экономики и социологии, причем стоящая на позициях защиты мира труда, решила объединиться в возникшем год назад Институте общественного хозяйства и сделать его научно-общественным центром, идейно связанным с рабочим движением¹⁰⁴. В этот период институтом руководил Влодзимеж Вакар, профессор Главной коммерческой школы в Варшаве. Однако он вскоре покинул свой пост и вернулся к работе в области демографии и статистики (а также к исследованиям по теории самоуправления), подготавливая следующие части своей трехтомной работы под названием «Территориальное развитие польской национальности»¹⁰⁵. В таких условиях в начале 1921 г. руководство Института общественного хозяйства возглавил Людвик Кшивицки, ученый большого масштаба. Его концепции оказали решающее влияние на научное развитие и идейный облик этого центра на протяжении всего периода между двумя мировыми войнами. Кшивицки полностью реорганизовал работу института, а в 1926 г. был утвержден устав. Тогда же институт получил самостоятельность и стал юридическим лицом. Членами института на протяжении 1926-1939 гг. стали, в частности, Хенрык Тенненбаум, Станислав Стемповски, Хелена Радлинська, Халина Крахельска, Юлиуш Понятовски, Оскар Ланге, Людвик Ландау, а также пионер востоковедческих исследований Тадеуш Холувко. При определении в уставе исследовательских задач института было заявлено, что его целью является «деятельность, направленная на перевод общественного хозяйства в Польше на научную основу». К сожалению, после 1926 г. Институт общественного хозяйства уже не проводил исследований в области советологии. Приоритетом стали анкетные исследования, сконцентрированные в основном вокруг социальных проблем тогдашней Польши – то есть положения людей наемного труда в промышленности, а также перенаселения польской деревни.

Хотя советологические исследования не были приоритетом в научных работах института, особого внимания заслуживает тот

¹⁰⁴Papiery Tadeusza Szturm de Sztrema, Biblioteka Narodowa (Oddział Rękopisów), sygn. 10657.

¹⁰⁵См.: W. Wakar, *Rozwój terytorialny narodowości polskiej*, cz. 1, Kielce 1918; он же, *Ludność polska, ilość i rozprzestrzenienie*, Warszawa 1914; он же, *Statystyka narodowościowa Kresów Wschodnich*, Kielce 1918, Warszawa 1914; он же, *Statystyka narodowościowa Kresów Wschodnich*, Kielce 1918.

факт, что именно в рамках этого центра появился, собственно, первый в Польше полностью научный труд по советологической тематике. Это была обширная монография, написанная коллективно и опубликованная в 1922 году под редакцией Л. Кшивицкого под названием «Советская Россия с социальной и экономической точек зрения». Эта работа должна была выйти в трех томах, но в итоге в печать был отдан только первый том, состоящий из двух частей¹⁰⁶. В обработке богатого материала, содержащегося в этом томе, главное участие приняли Вацлав Фабержевич и Эдвард Штурм де Штрем. Первая часть была посвящена финансовой и промышленной политике советского правительства, а также положению сельского хозяйства в реалиях нового режима. Вторая же часть охватывала вопросы внутренней торговли, снабжения, положения рабочего класса. Т. Штурм де Штрем проницательно заметил, что работа эта возникла «вследствие огромного значения перемен, которые происходили в это время в России, а также в связи с огромным интересом, который вызывали в Польше эти перемены [...]»¹⁰⁷. Вторым томом предполагалось посвятить отдельным областям национальной экономики (население, промышленность, сельское хозяйство, природные ресурсы, электрификация, транспорт). Третий том должен был охватить проблематику внешней торговли России (договоры, концессии). В этом же томе должен был быть представлен синтетический взгляд на причины распада советской экономики после 1917 г. Авторы этого труда стремились представить в нем проблематику всех важнейших областей общественной, экономической и культурной жизни Советской России. В ходе подготовки следующих частей трехтомника «возникло столько серьезных трудностей при получении материала, что [...] институт отказался от дальнейшей работы над задуманным трудом»¹⁰⁸. Здесь следует вспомнить также еще об одной важной советологической работе, появившейся в Институте общественного хозяйства, которой стало исследование «Профсоюзное движение в Советской России»¹⁰⁹. В этой работе был дан анализ положения рабочего класса в советской системе.

¹⁰⁶ См.: *Rosja Sowiecka pod względem społecznym i gospodarczym. Dzieło zbiorowe pod redakcją prof. dr. Ludwika Krzywickiego*, t. I, cz. 1-2, Warszawa 1922, s. 229 i 271.

¹⁰⁷ Т. Szturm de Sztrem, там же, s. 15.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ *Ruch zawodowy w Rosji Sowieckiej*, Warszawa 1921, s. 88.

Интерес к советологической тематике занимал существенное место в трудах Института общественного хозяйства. Анализ советского опыта давал много пищи для размышления. Людвик Кшивицкий считал, что институт должен, прежде всего, проводить научные исследования, и выдвигал требование точной объективности в исследовательской работе, советовал дистанцироваться от ходячих взглядов на Россию, характерных для тогдашней публицистики, пишущей о Востоке. Этот ученый серьезным образом способствовал выработке исследовательской методики польской советологии, существовавшей в период между двумя мировыми войнами. Его оценки и высказывания часто цитировались в тогдашней советологической литературе.

В Институте общественного хозяйства советологическими проблемами интересовался, прежде всего, Вацлав Фаберкевич, который был одним из учеников и сотрудников Людвика Кшивицкого. Его важным научным достижением остается работа под названием «Современная Россия. Восстановление экономики» (1926), созданная в стенах института. В журнале «Пшеглэнд Политычны» Фаберкевич опубликовал также статью под названием «Экономическая подошва нового интереса к российской проблеме». Исследование «Современная Россия» давало подробную и взвешенную в своих выводах картину экономических преобразований революционной России в период нэпа. Эта работа остается одной из важнейших позиций среди научных трудов польских советологов периода II Речи Посполитой. Фаберкевич говорил о необходимости проявлять сдержанность и реализм в оценке событий в Советской России. «Польша непосредственно заинтересована в восстановлении экономики России [...]»¹¹⁰.

Набчно-ишледовательские институты Воиточноэ Европы в Вильно

¹¹⁰W. Fabierkiewicz, *Gospodarcze podłoże ponownego zainteresowania zagadnieniem rosyjskim*, Warszawa 1925, s. 14.

¹¹¹О Вильненском институте см.: М. Kornat, *Początki sowietologii w II Rzeczypospolitej. Geneza, dzieje i dorobek Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej w Wilnie (1930-1939)* // "Zeszyty Historyczne" (Paryż), z. 134, s. 3-119; он же, *Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie (1930-1939) i jego wkład w rozwój polskiej sowietologii* // "Kwartalnik Historyczny", R. C., z. 3, 2000, s. 152-199. См. также: R. Eckert, *Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie 1930-1939* // "Spotkania" (Paryż), nr 16, 1982, s. 108-119, а также R. Dworek [псевд.], *Instytut Europy Wschodniej (1930-1939)* // "Libertas. Kwartalnik Społeczno-Polityczny" (Paryż), z. 12, 1988, s. 26-47.

Ведущую роль на заре советологических исследований в возрожденной Польше сыграл вильненский Научно-исследовательский институт Восточной Европы¹¹¹. Концепция воплощения в жизнь этого научного центра возникла на факультете права и общественных наук Университета им. Стефана Батория во второй половине двадцатых годов и была наверняка личной идеей профессора Стефана Эренкройца (1880-1945), правоведа и историка старого литовского права, профессора этого учебного заведения с 1929 г. Решающий импульс этой инициативе дал Януш Енджеевич (тогда заместитель министра в Президиуме Совета министров) в начале 1930 г.¹¹². Институт был создан вместе со Школой политических наук при Университете им. Стефана Батория по решению министра по делам религии и общественного образования – профессора Славомира Червиньского. Первое организационное собрание членов Института состоялось 23 февраля 1930 г. в Вильно, и с того момента такие пленарные

¹¹² Политическая биография Я. Енджеевича до сих пор не написана. Краткую биографическую заметку написал Ян Хулевич // *Polski Słownik Biograficzny* (далее: PSB), t. XI, s. 231-235.

¹¹³ Устав был составлен в 1929 году, а принят на заседании Научного Совета Общества по изучению Восточной Европы 23 февраля 1930 года. Текст Устава Общества см.: “*Rocznik Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej*”, Wilno 1933, t. 1, s. I-XVI.

¹¹⁴ Членами-основателями Института были избраны: Витольд Абрамович (бывший мэр Вильно), Станислав Арнольд (историк-медиевист), Францишек Буяк (создатель основ истории экономики в Польше, профессор Университета им. Яна Казимира во Львове), Людвик Хоминьски, Петр Дунин-Борковски, Стефан Эренкройц, Цезария Бодуэн де Куртенэ-Эренкройц [позже Енджеевич] (этнограф), Юзеф Фолеевски (позже профессор в США), Иво Яворски (профессор университета им. Стефана Батория, правовед-конституционалист), Януш Енджеевич, Зыгмунт Юндзилл (адвокат и профессор гражданской процедуры в Университете им. Стефана Батория), Людвик Коланковски (историк ягеллонской эпохи), Тадеуш Ковальски (археолог-востоковед), Бронислав Кшижановски (адвокат, сенатор, писатель-публицист, федералист), Ян Кухажевски, Вацлав Ледницки (русист и романист), Станислав Мацкевич, Теофиль Эмиль Модельски (историк, редактор “*Kwartanika Historycznego*”), Казимеж Нитш (языковед, профессор Ягеллонского университета), Казимеж Окулич (журналист), Ян Отрембски (языковед, профессор Университета им. Стефана Батория), Станислав Папроцки (председатель Варшавского Института национальных проблем), Ян Пилсудски (депутат, бывший министр финансов), Ян Розвадовский, Стефан Рьгель (директор Государственной библиотеки им. Врублевских), Владыслав Семкович (историк-медиевист), Витольд Станевич, Станислав Свяневич, Мариан Свеховски, Леон Василевски, Иоахим Волошиновски, Северьн Выслоух, Владыслав Завадски (экономист) и Мариан Здзеховски. В 1932 году были

собрания членов Института проходили регулярно раз в год¹¹³. Идея и программа центра собрала широкий спектр представителей польских гуманитарных наук того времени¹¹⁴.

Пост председателя Института (на практике скорее почетный) доверили профессору Яну Розвадовскому – видному языковеду и генеральному секретарю Польской Академии знаний. После его смерти в январе 1935 г. эти функции исполнял профессор Станислав Кентшиньски, историк-медиевист и дипломат (посол РП в Москве в 1924-1925 гг.)¹¹⁵. В правление Института, состоящее из трех человек, входили Эренкройц (председатель), Витольд Абрамович и Ян Пилсудски. Директором Школы политических наук стал Енджеевич, а после его перехода на работу в качестве министра Министерства по делам религии и общественного образования – инженер Владыслав Вельхорски (с ноября 1931 г.). Функции секретаря Института сначала исполнял Казимеж Окулич, выпускник юридического факультета Университета им. Стефана Батория и известный публицист, а позже (с 1935 г.) поэт Теодор Буйницки¹¹⁶.

В тексте Устава института, вышедшем из-под пера Стефана Эренкройца и утвержденном 19 февраля 1930 г., было записано, что программной целью центра является «изучение с точки зрения исторической, географической, экономической, культурной, общественной и политической территорий и государственных образований, расположенных между Черным и Балтийским морями, а также народов, эти земли населяющих; расширение знаний об упомянутых территориях и народах». Создатели центра стремились «распространять науки и умения, связанные с нынешним состоянием и

добавлены кандидатуры Эрвина Кошмедера (лингвист), Владыслава Вельхорского и Хаджи Сераяя Хана (представитель татарской диаспоры в Польше). В 1936 году в состав Совета был избран бывший премьер и маршал Сената IV созыва Александр Прыстор.

¹¹³ Биография Станислава Кентшиньского, принадлежащая перу Александра Гейштора, PSB, t. XII, 1966-1967, s. 374-376. Ср. также: A. Gieysztor, *Postowie* // S. Kętrzyński, *Polska X-XI w. Wybór pism*, Warszawa 1961, s. 693-712. Автор не упоминает об участии Кентшиньского в работах Вильненского института.

¹¹⁶ Ср. воспоминания Ч. Милоша: C. Miłosz, *Teodor Bujnicki* // он же, *Zaczynając od moich ulic*, Wrocław 1990, s. 165-194.

¹¹⁷ *Statut Stowarzyszenia Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej*, Warszawa 1930.

историей [...]» народов таким образом выделенного региона¹¹⁷. Организационная модель Института была построена по немецкому образцу – в основном по образцу вроцлавского Института Восточной Европы (*Osteuropa-Institut*)¹¹⁸.

Институт вел исследовательскую деятельность сначала в пяти секциях: историко-правовой – под руководством Эренкройца; экономической – под руководством профессора Владыслава Завадского, истории литературы и языкознания (Ян Отрембски) и этнографической (Цезария Эренкройц). Несколько позже профессор Болеслав Виляновски создал культурно-просветительскую секцию. В рамках такого разделения задач были выделены «специальные секторы» – по территориальному принципу. Доц. Виктор Сукенницки занимался государственно-правовыми проблемами СССР, а доц. Станислав Свяневич создал сектор экономических отношений в Советской России. Проблемами меньшинств, то есть украинскими и белорусскими, занялся правовед доц. Северын Выслоух, ученик Эренкройца. Исследователи института издавали два выдержанных на высоком научном уровне журнала – «Ежегодник Научно-исследовательского института Восточной Европы в Вильно» и международное периодическое издание “*Balticoslavica*”¹¹⁹.

Важнейшее место среди трудов польской советологии, созданных за период между двумя мировыми войнами, занимает работа Сукенницкого под названием «Эволюция строя Союза Советских Социалистических Республик в свете официальных публикаций советской власти» (т. 1, 1938), написанная в рамках политико-правового отдела института¹²⁰. На протяжении десятилетия с 1930 по 1939 гг. Виктор Сукенницки занимался в основном проблематикой права и строя в СССР. Его работа, посвященная преобразованиям

¹¹⁸Это был самый большой немецкий центр подобного типа. Во Вроцлавском институте Восточной Европы пребывал в качестве стипендиата д-р Станислав Свяневич в 1928-1929 годы и собирал материалы для своего труда под названием *Lenin jako ekonomista*, Wilno 1930.

¹¹⁹Вышло только три книжки журналов (в 1933, 1936, 1938 гг.) “*Balticoslavica*”, которые были посвящены исследованиям в области этнологии, языкознания, истории литературы и археологии. Наше же внимание привлекает статья русского эмигрантского ученого П. Савицкого *Eurazjatyzm jako koncepcja naukowa* // “*Balticoslavica*”, т. III, 1938.

¹²⁰Ср. прим. 7.

¹²¹Из других советологических работ В. Сукенницкого см.: он же, *Marksowsko-leninowska teoria prawa* // “*Wilecki Przegląd Prawniczy*”, R. VI,

советской политико-правовой системы, являлась итогом многолетних исследований¹²¹. Сукеннички выдвигал тезис о том, что советская система осуществляет власть государственной и партийной бюрократии «от имени пролетариата». В представлении Сукенницкого эволюция строя СССР (1917-1936) основывалась на отходе от ленинской системы советов в пользу неограниченной власти «аппарата»¹²². Поэтому осуществляющий на практике исполнительную власть бюрократический аппарат «фактически распоряжается» средствами производства. Бюрократический аппарат определяет также результаты выборов, предусмотренных конституцией, в советы всех уровней. Объем власти аппарата не был в конституции 1936 г. уточнен, не были также определены границы этой власти. Таким образом, в результате революционного переворота сложилась «оторванная и независимая от масс» система власти «вместо теоретически предусмотренной власти, близкой к народу, народом избираемой и отзываемой [...] в любой момент» [...]»¹²³. Характер строя в СССР в представлении Сукенницкого определялся, прежде всего, тем основным фактором, что это государство стремится к универсальности – к глобальной революции. Поэтому конституция СССР сформировала «принципиально динамический характер всего Союза, не имеющего явных и четко очерченных территориальных границ, но открытого для всех существующих и будущих советских республик, стремящихся по этой причине превратиться во «Всемирную Социалистическую Республику Советов»¹²⁴.

Не менее важным достижением вильненской «школы советологов» остается превосходное исследование д-ра Францишека Анцевича под названием «Сталинская концепция государства на фоне эволюции строя Союза Советских Социалистических Республик» (1939). Францишек Анцевич был учеником Виктора Сукенницкого и Вацлава Комарницкого, участником семинара Вильненского института и ассистен-

t. 51, 1935, s. 145-153, 196-202; он же, *Ustrój radziecki a konstytucja stalinowska* // "Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny" (Poznac), z. 2, 1937, s. 243-283; он же, *Kolektywizacja rolnictwa w ZSSR w okresie pierwszej pięcioletki. Studium prawnopolityczne* // "Wilecki Przegląd Prawniczy", R. VIII, t. 10, 1937 [+ оттиск s. 32].

¹²²W. Sukiennicki, *Ustrój radziecki a konstytucja stalinowska* // "Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny" (Poznac), R. XVII, 1937, s. 284.

¹²³W. Sukiennicki, *Ewolucja...*, s. 103.

¹²⁴Там же - С. 166.

том в Школе политических наук. Он окончил юридический факультет в Университете им. Стефана Батория, специализировался в области теории права и в этой исследовательской области завоевал позицию, с которой считались, хотя он был автором всего одной монографии, поскольку война в 1939 году прервала его научную деятельность. Автор исследования о советской (сталинской) концепции государства и права обращался к теории тоталитаризма. Анцевич глубоко проанализировал изменения в советской правовой системе. Он замечал существенные различия между концепцией государства Ленина и Сталина. Он продемонстрировал, что при правлении Сталина *de facto* была ликвидирована ленинская система советов, «основанная на построении власти снизу». Эта система была заменена властью бюрократии, не контролируемой никакими инстанциями. При советском строе монополия на власть правящей большевистской партии охватывает ведь не только сферу политической жизни, но и культурно-общественную жизнь, а также всю совокупность жизни экономической. Вацлав Комарницки дал справедливую оценку этой монографии: «Работа д-ра Анцевича занимает в нашей литературе о политическом строе важное место». «Опираясь на источники, он раскрывает эволюцию строя в Советском Союзе, эта работа является исследованием об одной и притом первой форме современного тоталитаризма»¹²⁵. Также и поэтому в среде советологов вильненского Института Восточной Европы Анцевич сыграл заметную роль.

В советологических трудах вильненского института Восточной Европы значительную роль сыграл экономист Станислав Свяневич [Съвяневич]¹²⁶. Его советологические исследования концентрировались, в принципе, вокруг трех проблем. В первую очередь они охватывали проблемы интеллектуального генезиса ленинизма на фоне развития российской общественной мысли XIX века, однако с особым учетом отношения к экономическим проблемам во взглядах вождя большевиков, а также его концепции «пролетарского государства». Второй по очередности исследовательской темой, интересующей Свяневича как ученого, была проблема советской индустриализации и плановой экономики. В последние годы перед началом войны этот советолог занимался

¹²⁵ Wstkr W. Komarnickiego // F. Anczewicz, там же, s. III-IV.

¹²⁶ В литературе мы встречаем обе формы написания этой фамилии.

сравнительным анализом экономики обоих тоталитарных государств – III Рейха и СССР.

Анализируя взгляды основателя большевизма, Свяневич доказывал, что Ленин отождествляет понятия «государство» и «организованный пролетариат». В условиях «диктатуры пролетариата» это означает, что «организация рабочего класса выливается в формы государственной организации. Пролетариат разбивает буржуазную государственную машину и создает собственную, являющуюся выражением его революционной диктатуры. Государство в этот период проникает везде, вмешивается во все области жизни, всюду пытается создать предпосылки для полного перехода к социализму. Институт государства в этот период достигает степени наивысшего развития [...]»¹²⁷. Поэтому Свяневич усматривал во взглядах Ленина на задачи революционного государства серьезное видоизменение концепции Маркса. Рассматривая результаты правления тоталитарных режимов, Свяневич писал, что «тоталитаризм никогда не может быть идеалом устойчивого строя. Но в известные переломные моменты, когда нагромождаются большие трудности, для преодоления которых необходимо напрячь все силы страны, а также организовать и дисциплинировать общую волю данного народа, переходный тоталитаризм может стать системой, увеличивающей шансы на победу. Это касается как задач в области обороны страны, так и задач экономических»¹²⁸. Свяневича интересовала, главным образом, проблема индустриализации в СССР и инвестиций в вооружение. «Россия сегодня, может быть, – писал он, – единственная страна, которая, имея относительно низкий экономический уровень, может себе позволить эксперимент в виде создания общественного капитала [...]»¹²⁹. Эта страна в состоянии достичь высокого уровня инвестиций, сколь велика бы ни была их социальная цена или масштаб расточительности. Свяневич имел ясный взгляд на эту проблему. Вследствие диктатуры возник поразительный – в свете марксизма – парадокс, состоящий в том, что «советское правительство может считаться с

¹²⁷S. Swianiewicz, *Lenin jako ekonomista*, Wilno 1930, s. 148.

¹²⁸S. Swianiewicz, *Polityka gospodarcza...*, s. 184.

¹²⁹S. Swianiewicz, *Rzut oka na zasadnicze problemy sowieckiej polityki gospodarczej // "Rocznik Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej w Wilnie"*, t. 2, 1934, s. 32.

интересами масс меньше, чем правительства капиталистических стран. Трудно себе представить – подчеркивал он – чтобы западноевропейский рабочий или крестьянин мог так долго и покорно сносить все то, что переносит население СССР». Успех сталинской политики опирается на пассивность, покорность и выносливость населения страны. Это является «[...] главной силой России как в экономической гонке, так в возможных военных ресурсах» на будущее¹³⁰. Свяневич рассматривал тоталитарные режимы, прежде всего, как систему массовой мобилизации¹³¹. К этому тезису он обращался также в книге «Экономическая политика гитлеровской Германии» (1938). Однако главным достижением Свяневича в области советологии остается его исследование об экономических взглядах Ленина, опубликованное в 1930 г.¹³². Эта работа, являющаяся его докторской диссертацией, далеко выходит по своему содержанию за рамки формулировки заголовка «Ленин как экономист». Ибо автор здесь дал глубокий и проникновенный анализ ленинской и большевистской концепции государства. Поэтому данная работа занимает в советологии мирового масштаба довоенной поры довольно особое и важное место. Свяневич анализировал также результаты экономической политики СССР в период первой пятилетки. «Социализм, – писал он, – не является строем, который может быть декретирован властью предержащими, даже если бы это были самые могущественные властители в мире»¹³³. Это убеждение польского советолога имеет свое значение, и о нем следует напомнить.

Советологические исследования в Вильненском институте, в принципе, развивались по двум направлениям. Они были связаны с государственно-правовой тематикой (особое внимание уделялось доктринальным основам советской правовой

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Поэтому не случайно Свяневич начал свои исследования тоталитарных систем с изучения теории Жоржа Сореля, которая оказала исключительное влияние на концепцию государства и права в доктрине итальянского фашизма. Ср.: S. Swianiewicz, *Psychiczne podłoże produkcji w ujęciu Jerzego Sorela* // "Czasopismo Prawnicze i Ekonomiczne", R. XXII, (Kraków) 1926, s. 150-232.

¹³² S. Swianiewicz, *Lenin jako ekonomista*, в разных местах книги.

¹³³ S. Swianiewicz, *Z zagadnień sowieckiego przemysłu ciężkiego* // "Rocznik Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej w Wilnie", t. 2, 1934, s. 252.

системы), а также с экономической. Историко-правовой отдел под руководством Виктора Сукенницкого координировал исследования в области государственного строя СССР. А экономический отдел, возглавляемый в 1930-1939 гг. Свяневичем, регулярно публиковал, начиная с 1937 г., оценки экономической ситуации в СССР. Этой цели служило периодическое издание под названием «Квартальное обозрение экономики Союза Советских Социалистических Республик». Для властей РП (в том числе для дипломатии) это был важный, независимый и необходимый голос экспертов. Поэтому Отдел II Главного штаба (разведка) и МИД регулярно заказывали в Экономическом отделе экспертизы в области экономических проблем советской России.

Министерство иностранных дел, которое внесло значительный финансовый вклад в бюджет Института Восточной Европы в Вильно, направляло в этот институт конкретные предложения в области советологической тематики. Так, в сентябре 1936 г. заместитель директора Политического департамента МИД Тадеуш Кобыляньски просил «дать синтетическую оценку общественно-экономической ситуации Советского Союза» (1). Он рекомендовал «проанализировать отдельные этапы развития советского государства на фоне тезисов требований российского коммунизма, то есть доктрины Ленина. Такой анализ помог бы прояснить нынешнюю общественно-экономическую ситуацию в СССР, а в особенности же следующие проблемы: а) причины возникновения стахановского движения и его воздействие на экономические отношения в СССР; б) перегруппировки в социальной базе режима, происшедшие на фоне проводимой ныне экономической политики; в) роль денег в советской экономике в целом, с целью выяснения, насколько финансовая политика значима во всей национальной экономике, а также тактика советской власти этой области советской власти. 2) Оценка реальности усилий советской власти в направлении увеличения экономического потенциала, что должно дать ответ на вопрос, какова эффективная стоимость пропагандируемых советскими органами достижений самодостаточности экономики СССР. 3) Провести научное сравнение, что представляют собой коммунизм и социализм, провозглашенные идеологами (Маркс-Ленин-Сталин), а чем является социализм, мнимое построение которого в СССР уже сегодня признано официально советской доктриной. Речь здесь шла о том, чтобы

критически представить тенденциозность советской науки и пропаганды при оперировании цитатами из теоретических работ Ленина и Сталина. 4) Синтетический взгляд на коминтерновскую советскую политику на фоне основных коммунистических тезисов о международной революции и идеологической борьбы между Сталиным и Троцким, а также между Сталиным и Бухариным относительно тактики действий в работе Коминтерна»¹³⁴. Предлагаемый выбор проблем был, таким образом, хорошо обдуман и четко был связан с проблематикой внешней политики Польши. Другое дело, что научная разработка этих проблем требовала многих лет исследований. Между тем, Вильненский институт просуществовал лишь до 1939 года.

Число студентов Школы политических наук на протяжении 1932-1932 гг. колебалось примерно от 250 до 500 человек, с явным наличием представителей национальных меньшинств¹³⁵. Известно, что в институте учились инкогнито делегированные II Отделом офицеры разведки. Таким способом хотели подготовить будущих специалистов польских разведывательных служб в области советологических и восточных проблем. Отдел II также оказывал финансовую поддержку институту (с ведома шефа польской разведки полковника Тадеуша Пелчиньского). Лекции в Школе политических наук читали в первую очередь профессора факультета права и общественных наук Университета им. Стефана Батория: Мариан Здзеховски, Богумил Ясиновски, Болеслав Виляновски, Иво Яворски, Стефан Глязер, Эугениуш Васьковски, Ежи Панейко и Бронислав Врублевски. Читать лекции были также приглашены видные знатоки этой тематики из других научных центров. Среди них были: историк Ян Кухажевски, экономисты Чеслав Бобровски и Зыгмунт Шемплиньски; социолог Александр Херц, историк литературы Станислав Бачиньски. Лекции в институте из области внешней политики СССР читали Хенрык Кавецки (высокопоставленный чиновник МИДа) и Станислав Забелло (сотрудник Восточного отдела МИД). С вильненским Университетом им. Стефана

¹³⁴ Письмо Кобылянского [дата отсутствует, 1936] директору Института проф. Станиславу Кентшиньскому, AAN MSZ sygn. 5219.

¹³⁵ Так, например, в конце 1931/32 учебного года здесь училось 157 поляков, 6 евреев, 15 русских, 3 белоруса, 2 украинца и 1 немец.

Батория связана еще одна исследовательская группа советологов, сосредоточенная вокруг профессора Мечислава Гутковского – семинар по государственным финансам¹³⁶. В этом исследовательском коллективе проводились, прежде всего, исследования советской налоговой системы СССР. Анализировались также принципы советского планового хозяйства и ее экономические результаты.

Вильненский институт Восточной Европы должен был быть – по мысли его создателей – не только научным коллективом, специализирующимся на советологической тематике. Институт и связанная с ним Школа политических наук ставили перед собой цель формирования новой культуры мышления о России и о проблемах европейского Востока. «Размышления о российских проблемах, – писал в 1939 году Станислав Свяневич, – следует оторвать от проблемы нынешних идеологических споров. Эти споры, знамение последнего десятилетия, являются чертой исторического периода, который, вероятно, быстро пройдет. А вот проблема распада или консолидации московского могущества является проблемой нашей исторической роли»¹³⁷. Таким образом, хотели выработать в сознании польского общества интерес к проблемам России, к развитию ситуации за восточной границей Польши. Поэтому задачи ставились амбициозные и, естественно, долгосрочные. На протяжении короткого времени, в течение неполных десяти лет деятельности центра, невозможно было на этой ниве достичь измеримых и конкретных результатов. Следует также помнить, что доступ к информации о внутренней жизни в СССР был в тридцатые годы неимоверно затруднен. Сведения из этой сферы проникали за границу с большими трудностями. Ведь результатом сталинской политики изоляции был разрыв контактов с внешним миром. В этом хорошо отдавали себе отчет польские советологи и специалисты по Востоку. В июне 1939 года блестящий географ Станислав Сроковски заявил в Институте изучения национальных проблем, что

¹³⁶Биографические данные М. Гутковского, AAN, Akta Ministerstwa WRiOP (dokumenty personalne) sygn. 2792. Гутковски издавал *Prace Seminarium ze Skarbowości i Prawa Skarbowego oraz Statystyki*, t. I-II, Wilno 1931-1934. Проф. Гутковски погиб 17 сентября 1943 г. во время массовой казни, произведенной гестапо в Понарах под Вильнюсом.

¹³⁷S. Swianiewicz, *W sprawie organizacji...*, в разных местах.

¹³⁸Выступление проф. Станислава Сроковского в дискуссии на форуме Института исследования национальных проблем о принципах построения

«вдоль границы над Збручем выстроена стена высотой в три метра, и ничего неизвестно, что там происходит»¹³⁸.

Воіточны́е ині́ціятывы ў Варшаве

Деятельность Восточного института связана с историей «прометеевского движения»¹³⁹. Программа этого движения предусматривала работу по освобождению нерусских народов СССР, которым в результате революции и гражданской войны в России (1917-1920) не удалось получить собственную государственность. С точки зрения геополитического положения Польши этот постулат имел принципиальное значение. И поэтому ангажированность политической власти II Речи Посполитой в развитие «прометеевской» концепции была значительна, а государственный переворот в 1926 году дал этим устремлениям новый импульс. В новых условиях в организации этого движения участвовали известные политики бельведерского лагеря: Валеры Славек, Александр Прыстор, Януш Енджеевич, Бронислав Перацки, Адам Коц, Стефан Стажиньски, Мариан Зындрам Косьциалковски. О важнейших проблемах были также информированы министры иностранных дел РП – Аугуст Залески и Юзеф Бек, а также начальник Главного штаба. «Прометеизм» предполагал сближение и сотрудничество поработанных народов СССР. В эмиграции политические элиты этих народов должны были разработать основы программ на будущее, с тем, чтобы когда-нибудь на развалинах СССР создать фундамент прочного сотрудничества новых национальных государств¹⁴⁰. «Прометеевская» идея выражает стремление индивидуумов и народов к свободе [...]. Задача “прометеевского” движения -

ния подготавливаемого атласа языков и вероисповеданий Польши, 26 июня 1939 г., *Spuścizna Stanisława Srokowskiego*, Archiwum PAN (Warszawa), sygn. III-22/69.

¹³⁹ О прометеевском движении ср., прежде всего, статью: W. Błazkowski, *Prometeizm na tle epoki. Wybrane fragmenty z historii ruchu* // “Niepodległość”, Nowy Jork – Londyn, t. 17, 1984, s. 28-54, как и уже устаревшую работу: S. Mikulicz, *Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej*, Warszawa 1971. Ср. также: J. Lewandowski, “Prometeizm” - koncepcja polityki wschodniej państwa // “Biuletyn Wojskowej Akademii Politycznej”, Seria Historyczna, t. I, z. 2/12, 1958 и т. II, z. 1/14, 1959, s. 31-52, а также: S. Wroński, *Współdziałanie rządu polskiego z emigracyjnymi organizacjami antyradzieckimi w latach 1918-1939* // “Z dziejów Stosunków Polsko-Radzieckich. Studia i Materiały”, t. III, 1968.

¹⁴⁰ По вопросу эволюции прометеевских концепций мы опираемся на материалы в собраниях ANN, MSZ, sygn. 6690 A.

воплотить “прометеевскую” идею, в особенности на территориях, подчиненных советской власти», – писал уже из перспективы лет полковник Тадеуш Пелчиньски¹⁴¹. Вспомним здесь, что в 1926 году в Париже был основан Клуб «Прометей» (*Le Prométhée*), который действовал как международная организация. Подобные клубы основывались и в других городах тогдашней Европы, в том числе и в Варшаве (1928). В Париже началось издание журнала “*La Revue Prométhée*”. Автором термина «прометейзм» был полковник Тадеуш Шацель, который, будучи военным атташе в Анкаре (1924-1926), организовывал от имени польского Главного штаба первые контакты с политической эмиграцией кавказских народов в Турции.

Созданный в 1925 году в Варшаве Восточный институт возник в рамках «прометеевского» движения и был тесно связан с концепциями этого интеллектуального направления. Этот центр занимал важнейшее место на карте польского востоковедения в период между двумя мировыми войнами. Институт был, прежде всего, центром исследований по восточной тематике, столь важной для польской политической мысли II Речи Посполитой. «Министерство [иностраных дел] наталкивается на непрестанные трудности, вытекающие из отсутствия научного центра польской ориенталистики. Кроме того, только создание Восточного института даст возможность обучить отряд служащих, подготовленных к работе именно на Востоке, что с учетом все более растущего интереса Польши к восточным проблемам начинает превращаться в неотложное дело», – писал Юлиуш Лукасевич 29 июля 1926 г.¹⁴². В таких условиях Восточный институт становился все в меньшей степени научно-исследовательским центром, а все больше концептуальным центром на ниве политической мысли. Наряду с востоковедческими исследованиями, создатели института ставили себе цель также координировать усилия по интеграции эмиграционных группировок народов, поработанных СССР. Этой задаче центр служил на протяжении всей своей пятнадцатилетней истории (1925-1939).

Организатором Восточного института был сенатор Станислав Седлецки (1877-1939), известный деятель социалисти-

¹⁴¹ Заметка в архиве генерала Пелчиньского, Studium Polski Podziemnej (dalej SPP), sygn. KOL. 13761.

¹⁴² AAN, MSZ, sygn. 8490.

ческого движения в Галиции, активный член Польской социалистической партии, общественник, деятель кооперации и публицист. В 1925-1938 гг. он также исполнял обязанности председателя этого центра. На должности Главного секретаря работал доц. Ольгерд Гурка, специалист по истории новейших времен, до 1930 г. профессор Университета им. Яна Казимира в Львове¹⁴³. В 1938 г. в Восточном институте произошли важные персональные изменения. Сенатор Седлецки ушел, и эту должность занял Ян Кухажевски. От своего поста отказался также Гурка. Его заменил доц. Владыслав Томкевич из варшавского Университета им. Юзефа Пилсудского¹⁴⁴. Была также учреждена должность руководителя научных работ, на которую пригласили Влодзимежа Бончковского (1905-2000). По поручению Отдела II Главного штаба надзор над институтом осуществлял майор Эдмунд Харашкевич, шеф Отделения № 2 Главного штаба. Важнейшие решения в связи с «прометеевским» движением в целом принимались на высшем уровне, то есть с привлечением Генерального инспектора Вооруженных сил и Начальника Главного штаба. Программную декларацию института подписали в 1926 г., в частности, Тадеуш Холувко, Станислав Корвин-Павловски, депутат Ян Дембски, сенатор Станислав Поснер, проф. Хенрык Мосьцицки и Вацлав Серошевски.

На ниве востоковедческих исследований для Института работали также ведущие ученые из варшавской исторической среды, в том числе специалисты по XIX веку, такие как Влодзимеж Дзвонковски, Людвик Видершаль или Адам Левак¹⁴⁵. Важную роль играл здесь также Витольд Каменеcki, историк ягеллонской эпохи и дипломат¹⁴⁶. Майор Эдмунд Харашкевич в отчете о прометеевском движении назвал среди сотрудников прометеевской акции, прежде всего, блестящих историков: Марцели Хандельсмана (Варшавский университет), Людвига Колянковского (Университет им. Стефана Батория), Оскара Халецкого (Варшавский университет), Станислава Зайончковского (Университет им. Стефана Батория), Хенрыка Мосьциц-

¹⁴³ Akta Ministerstwa Wyznac Religijnych i Oświecenia Publicznego, sygn. 2692.

¹⁴⁴ По этому вопросу см., в основном, статью: W. BNezkowski, *Prometeizm na tle epoki...*

¹⁴⁵ Об этом шире см.: J. Maternicki, *Warszawskie środowisko historyczne w okresie II Rzeczypospolitej*, Rzeszyw 1999.

¹⁴⁶ Биографическая справка Витольда Каменецкого в PSB, t. XI, s. 520-521.

кого, историков литературы, таких как Мариан Здзеховски и Юзеф Уейски (Варшавский университет), а также журналистов и общественных деятелей, таких как Вацлав Лыпацевич, Мариан Свеховски, Войцех Стпичиньски. С институтом сотрудничали также Станислав Понятовски (антрополог и этнограф) и известные писатели – Вацлав Серошевски, Юзеф Лободовски и Анджей Струг¹⁴⁷. С «прометеевским» движением и Восточным институтом поддерживали также контакт о. Антони Квятковски (создатель Института научного изучения коммунизма) и о. Станислав Тшециак (известный публицист партии «Национальной демократии» и идеолог антисемитизма). Таким образом, среда сотрудников Восточного Института была весьма пестрой по своему мировоззрению.

Советологические исследования, проводимые в Восточном Институте, явно остались на втором плане. Приоритетом были широко понимаемые востоковедческие исследования. Они охватывали тематику Украины и Белоруссии, народов Кавказа (на почетном месте), а также Центральной Азии и Дальнего Востока. В самом конце тридцатых годов была организована издательская серия под названием «Востоковедческие исследования». В ее рамках вышло только два тома, поскольку война 1939 года прервала работу института. В этом издании вышла книга Владзимежа Дзвонковского «Россия – Китай – Монголия в исторических отношениях»¹⁴⁸. Среди важнейших достижений сотрудников института следует отметить многочисленные публикации Владзимежа Бончковского. Он исполнял функции председателя Ориентального кружка молодежи при Восточном институте и принадлежал к ведущим глашатаям «прометеевской» концепции. В институте осуществлялась программа обучения языкам кавказских народов. Издавался также ряд журналов востоковедческого и программного характера (в русле «прометеевского» движения), среди которых стоит назвать, прежде всего, ежеквартальник «Восток/Orient» (1930-1939), «Польско-украинский бюллетень», ежекварталь-

¹⁴⁷ Доклад майора Харашкевича от 12 февраля 1940 года (для министерства военных дел в Анжере) был опубликован в сборнике документов, составленном Г. Мазуром, М. Кветнем и А. Грывачем, Kraków 2000, s. 56-80 [там же биографические данные о сотрудниках Восточного Института].

¹⁴⁸ W. Dzwonkowski, *Rosja - Chiny - Mongolia w stosunkach dziejowych* / , "Studia Wschodoznawcze", t. II, Instytut Wschodni, Warszawa 1937.

¹⁴⁹ Редактором «Польской Мысли» стал Феликс Захора-Ибьяньски.

ное издание «Проблемы Восточной Европы» (1938-1939) и выходивший раз в две недели журнал «Польская мысль»¹⁴⁹.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что «прометеевское» движение укрепляло интерес к национальным проблемам в СССР, но не подменяло вильненский центр в его аналитической роли. Оно выполняло свою роль в той степени, что укрепляло убеждение в том, что Польша на востоке соседствует не с Россией, а с многонациональной империей, которая отнюдь не является монолитом. Основанием для этого служил обоснованный взгляд о том, что двадцатый век является эпохой национализмов. Те «националистические течения, которые привели к консолидации немецкого могущества на запад от наших границ, на востоке должны привести, следуя логике вещей, к разрушению государственного единства России». Так писал об этом Станислав Свяневич¹⁵⁰. В его оценке процесс освобождения неисторических народов был необратим. Из этого убеждения исходили как варшавские востоковеды, так и вильненские советологи. Создатели Восточного института заботились «о примате восточных проблем» (формулировка Бончковского) в интеллектуальной жизни возрожденной Польши, в польской политической мысли и во внешней политике. «Прометеевская» концепция была в известном смысле идеологической платформой, на которой с самого основания организовывались советологические исследования, и им были обеспечены правовой статус, а также необходимая финансовая поддержка. Без заинтересованности со стороны государства в этих проблемах наверняка не возникли бы исследовательские центры, объединяющие советологов.

Инітїтїбїт ісїбїченїя національних проблем в Варшаві

Востоковедческие исследования – и в значительно меньшей мере советологические – проводились также в рамках Института национальных проблем. Этот центр был основан в Варшаве в декабре 1921г.¹⁵¹. Вокруг этого начинания удалось собрать внушительный круг видных представителей гуманитарных и общественных наук того времени. Среди

¹⁵⁰S. Swianiewicz, *W sprawie organizacji...*, в разных местах.

¹⁵¹Сжатое изложение основных фактов из истории центра содержится в юбилейной брошюре под названием *Dziesikiolecie działalności Instytutu Badań Spraw Narodowościowych 1922-1932*, Warszawa 1932, s. 45. Там помещен отчет об исследовательской деятельности центра в 1922-1926 и 1926-1932 гг.

основателей этого института можно увидеть, в частности, имена Шимона Ашкенази, Людвика Кшивицкого, Марцели Хандельсмана и Влодзимежа Вакара. Решающей, однако, была личная ангажированность в эту идею нескольких видных фигур политической жизни, прежде всего, это Станислав Буковецки, Тадеуш Холувко, Ян Кухажевски, Станислав Стемповски, Антони Суйковски, Адам Тарновски, Станислав Тугутт и в особенности Леон Василевски. В кругу инициаторов создания Института изучения национальных проблем следует также отметить известных юристов: адвокатов Юлиана Дрешера и Эдварда Малишевского. В декабре 1925 г. Институт изучения национальных проблем возобновил свою деятельность. В литературе, как правило, подчеркивается, что после майского переворота 1926 г. наступила заметная активизация деятельности этого центра. Так произошло, несомненно, в значительной степени благодаря Тадеушу Холувко¹⁵². На должность председателя был назначен Станислав Тугутт. Функции заместителя председателя выполняли профессор Марцели Хандельсман, а также Хенрык Левенхерц (сенатор РП). Тадеуш Холувко исполнял в 1926-1927 гг. обязанности директора института. Эта должность была ликвидирована уже 7 апреля 1927 г., в связи с уходом Холувко на службу в МИД. Обязанности Генерального секретаря Института исполнял д-р Станислав Папроцки (1895-1976)¹⁵³. Казначеем стал Ежи Осмоловски. Членами правления были избраны Витольд Каменеcki, Юлиуш Лукасевич и Леон Зеленевски. Исследовательская работа Института была поделена на два раздела, с образованием при этом секций по проблемам, соответствующих делению. Среди них была создана секция по проблемам меньшинств в международном аспекте, работу которой возглавлял историк проф. Марцели Хандельсман. А Станислав Папроцки выполнял обязанности секретаря секции. В 1931 г. произошли изменения в руководстве Института изучения национальных проблем. Пост председателя после ухода Станислава Тугутта занял Леон Василевски. Секцию, занимающуюся проблематикой национальных

¹⁵²Ср.: I. Werschler, *Z dziejów obozu belwederskiego. Tadeusz Hołowko, życie i działalność* Warszawa 1984.

¹⁵³Биографическая заметка о С. Папроцком (написанная В. Шишковским) в PSB, t. 25, s. 186-188.

¹⁵⁴Список действительных членов Института в 1932 году выглядел следующим образом: Самюэль Адальберг, проф. Майер Балабан, Исаак

меньшинств в Польше, организовал Станислав Тугутт, а ее секретарем оставался Тадеуш Холувко¹⁵⁴. Исполняющий обязанности Главного секретаря Станислав Папроцки встал во главе журнала «Национальные проблемы», выходящего один раз в два месяца, а также возглавил журнал “Questions Minoritaires”, издаваемый для зарубежного читателя.

Семинар по национальным проблемам послевоенной Европы вел в Институте изучения национальных проблем Леон Василевски. Нельзя, однако, не упомянуть его работы по национальной проблематике в СССР¹⁵⁵. Прежде всего деятель Польской социалистической партии, он был автором важного исследования под названием «Украинский вопрос как международная проблема»¹⁵⁶. Кроме этого, Василевски опубликовал на эту тему несколько статей и очерков в различных журналах. Здесь следует вспомнить в особенности очерки: «Национальная политика Советов и «Самоопределение» народов старой России» на страницах журнала «Пшеглэнд Политычны»¹⁵⁷. Василевски был видным аналитиком национальных процессов

Борнштейн, Стефан Братковски (консул РП), Станислав Буковецки (председатель прокуратурии казначейства), д-р Раймунд Булавски, Людвик Хоминьски, проф. Константы Хилиньски, Станислав Чосновски, Казимеж Гинтовт-Дзевалтовски, Цезария Эренкройц (проф. этнологии в Университете им. Стефана Батория), проф. д-р Марцели Хандельсман, Витольд Каменецки, Тадеуш Кательбах (журналист), д-р Альфонс Крысиньски, Людвик Кшивицки (председатель Института общественного хозяйства), д-р Бронислав Кшижановски, Станислав Кутшеба (проф. истории общественного строя Ягеллонского университета, д-р Хенрик Левенхерц, Стефан Люблинер (журналист), Юлиуш Лукасевич, Вацлав Лыпасевич (адвокат), д-р Зыгмунт Нагурски (адвокат), проф. Ян Огиенко, Казимеж Окулич (журналист, редактор «Вильненского курьера»), Ежи Осмоловски, Станислав Е. Папроцки, Казимеж Петрусевич (адвокат), Борис Жепецки, проф. Мойжеш Шорр, д-р Теодор Сейдлер (посол), проф. Роман Смаль-Стоцки, Константы Сроковски, проф. Витольд Станевич, проф. Ян Станкевич, Стефан Стажиньски, Адам Стебельский, д-р Станислав Стемповски, доц. д-р Станислав Свяневич, Мариан Свеховски, Адам Тарновски (дипломат), Станислав Тугутт, Леон Василевски, Владыслав Вельхорски, Иоахим Волошиновски, д-р Северын Вислоух, Леон Зеленецкий, а также проф. Флориан Знанецки.

¹⁵⁵О политических концепциях этого ведущего польского теоретика национальных проблем ср. обширное исследование Б. Сточевской *Ukraina, Litwa, Białoruś w myśli politycznej Leona Wasilewskiego*, Kraków 1999.

¹⁵⁶L. Wasilewski, *Kwestia ukraińska jako zagadnienie międzynarodowe*, Warszawa 1934.

¹⁵⁷L. Wasilewski, *Polityka narodowościowa Sowietów // "Przegląd Polityczny"*, t. II, 1925, s. 175-181; он же, *"Samookreślenie" narodów dawnej Rosji*, там же, t. XXII, 1927, s. 194-212.

Европы XX века. В таком же контексте он анализировал политику центральных властей СССР в отношении нерусских народов этого государства. Он внимательно присматривался к воплощаемой с середины двадцатых годов концепции «национализации» партийных и государственных институтов на Советской Украине и в Белоруссии. «Национализация заключается, – писал он, – в наиболее широком применении в общественной жизни, прежде всего в системе образования, затем в судопроизводстве и управлении местных языков». В связи с этим он ставил вопрос: «каково будущее Союза ССР на фоне этой политики?». На этот ключевой вопрос он отвечал, когда утверждал, что эта политика «пока, безусловно, укрепляет Союз и облегчает его положение, как внутреннее, так и международное». По мнению Василевского, концепция «национализации» была, однако, с точки зрения сплоченности СССР «обоюдоострым оружием, в особенности в отношении народов более индивидуализированных, более культурных и уже имеющих собственные традиции государственности или государственные амбиции, поскольку, она, безусловно, укрепляет их культурную обособленность и углубляет центробежные тенденции в отношении Великобритании. [Ибо] национальным движениям присуща известного рода стихийность. Однажды начавшись, они уже не поддаются уничтожению и стремятся – вопреки всему – к идеалу государственной независимости»¹⁵⁸.

В 1926 г. в издании Института изучения национальных проблем появился труд Стефана Стажиньского «Национальная политика Советской России». Это исследование остается единственной в Польше за период между двумя мировыми войнами попыткой целостно взглянуть на теорию и практику советской национальной политики. Автор приходил к выводам принципиально сходным с приведенными здесь выводами Леона Василевского.

Важнейшим исследовательским достижением Института изучения национальных проблем по советологической проблематике является обширная работа Миколая (Миколы) Ковалевского (1892-1957) под названием «Советская национальная политика на Украине в 1917-1937 гг.». Д-р Ковалев-

¹⁵⁸L. Wasilewski, *Polityka narodowościowa...*, s. 180-181 (все цитаты оттуда).

¹⁵⁹М. Ковалевски (род. в 1892 г. в Люблинском воеводстве) сотрудничал, прежде всего, с Украинским научным институтом в Варшаве. Работал в

ский был украинским политиком, публицистом и исследователем национальных проблем¹⁵⁹. После государственного переворота в Польше в 1926 г. он был направлен в Варшаву эмиграционным правительством Украинской Народной Республики¹⁶⁰. Он сотрудничал с Институтом изучения национальных проблем. Его книга, хорошо документированная, с тщательно обдуманными выводами, стала основой кандидатской диссертации в Варшавском университете. Эта работа ставит автора в ряд самых видных знатоков национальной тематики в СССР – не только в Польше. Достоинством этого исследования является охват широкого отрезка времени и анализ эволюции национальной политики руководства Советской России и СССР (а также ее результатов) в украинском вопросе. Подводя итог своим размышлениям, Ковалевски выражает убеждение в серьезных изменениях, происходящих на Украине, где до революции «национальная идея была представлена почти исключительно пассивными деревенскими массами и горсткой интеллигенции, в настоящее же время, после оттока значительной части сельского населения в результате коллективизации и форсирования промышленного развития, изменился также и облик городского пролетариата, изменился национальный состав подвижного и в политическом отношении более активного городского населения. Острота национальной проблемы на Украине переместилась из сельских местностей, пассивных и консервативных, в города. На арену событий выходят новые общественные силы, более подвижные, более способные выражать свою волю. В этом коренится наиболее глубокое значение происходящих на Украине перемен в области национальных отношений»¹⁶¹.

структурах украинского правительства в изгнании (президента А. Ливицкого). Во время II мировой войны находился в Германии.

¹⁶⁰ Начальнику Отдела II Генерального Штаба полковнику Тадеушу Пелчиньскому украинский публицист писал, что он считает своей задачей работать в целях адекватного по отношению к действительности информирования польского общественного мнения о развитии ситуации на востоке, уделяя особое внимание положению «прометеевских народов», в том числе украинцев и кавказских народов. SPP, Papiery gen. T. Pełczyńskiego, KOL. 13.

¹⁶¹ M. Kowalewski, *Sowiecka polityka narodowościowa na Ukrainie...*, s. 178.

¹⁶² Об этом центре ср.: R. Potocki, *Ukraiński Instytut Naukowy w Warszawie (1930-1939) – jego wkład w українікюю и польськюю набкю и кольторбю // "Warszawskie Zeszyty Ukrainoznawcze"*, t. 6-7, 1998, s. 257-266.

Научные круги Восточного института и Института изучения национальных проблем сотрудничали с Украинским научным институтом (UIN) в Варшаве¹⁶². В особенности внимания заслуживают совместные исследовательские начинания этих институтов. Украинский научный институт координировал серьезное издание под названием «Труды Украинского научного института», в рамках которого была организована издательская серия «Труды комиссии по изучению польско-украинских проблем». В 1934 году в качестве 28-го тома этой серии было опубликовано исследование Леона Василевского под названием «Украинский вопрос как международная проблема». Значительную роль в формировании научного профиля украинского института сыграли профессор Роман Смаль-Стоцки (председатель), директор, проф. Александр Лотоцки¹⁶³, а также историк, доц. Варшавского университета Мирон Кордуба¹⁶⁴.

о. Антони Квяткові́ки и Інї́титот наб́чного іс́чення коммóнізма в Варшаве

В 1925 г. в Варшаве возник центр под названием «Институт научного изучения коммунизма». Организатором (директором и вице-председателем) института был о. Антоний Квятковский¹⁶⁵. Этот центр получал постоянную дотацию из бюджета Министерства иностранных дел¹⁶⁶. Группа о. Квятковского получила поддержку тогдашнего директора

¹⁶³ См. его исследование *Kościół rosyjski na drodze do rewolucji* // «Przeegląd Współczesny», t. 64, 1938.

¹⁶⁴ Ср. подробную биографическую заметку об этом ученом в PSB: A. Zikba, *Roman Smal-Stocki*, PSB; t. 39/2, 1999, s. 180-184.

¹⁶⁵ Этот автор опубликовал довольно много брошюр в основном под псевдонимом «Антони Стародворски». См. напр.: он же, *Sowiecka reforma rolna. Przyczynek do zagadnień socjologicznych*, Warszawa 1925; он же, *Oświata i życie rodzinne w Sowietach*, Warszawa 1927; он же, *Nagroda rewolucyjna!..*, Warszawa 1927; он же, *Losy obywateli-robotników w Bolszewii*, Warszawa 1927, а также две книги: *Dzieje cerkwi prawosławnej w Z.S.R.R.*, Warszawa 1934; он же, *Istota i cechy bolszewizmu współczesnego w Rosji sowieckiej*, t. 1-2, Warszawa 1927.

¹⁶⁶ В сохранившейся заметке – в архивах генерала Тадеуша Пелчиньского в Studium Polski Podziemnej – автор (тогда начальник Отдела II) не пишет об ангажированности разведки в акцию о. Квятковского. Наверное, потому, что Отдел II не оказывал этому центру дополнительной поддержки. Ср.: Skrzypek, *W kręgu koncepcji Międzymorza i taktyki balansowania (maj 1935 - wrzesień 1939)* // P. Łossowski (red.), *Historia dyplomacji polskiej*, t. IV, Warszawa 1995, s. 546.

Политического департамента Министерства внутренних дел д-ра Хенрыка Кавецкого. А в конце тридцатых годов Институт научного изучения коммунизма финансировался Лагерем национального объединения¹⁶⁷. Ксендз Квятковски (1890-1970) был профессором Духовной академии в Петербурге. В годы войны он работал в польских общественных организациях в Москве и Петрограде, в том числе в Польском обществе помощи жертвам войны. Он был арестован в Харькове и в 1920-1921 гг. пребывал в советской тюрьме в Москве. В Польшу он вернулся на основании обмена заключенных в 1921 г. Он работал экспертом в комиссии по вопросам реэвакуации, предусмотренной постановлением Рижского договора¹⁶⁸. Стремлением создателя этого института было организовать специализированный исследовательский центр, а также центр документации по истории католической церкви в СССР¹⁶⁹.

В действительности же достижения группы, объединенной вокруг о. Квятковского, не были впечатляющими. Ксендз Квятковски много печатался под псевдонимом Антони Стародворски. Его публицистика концентрировалась вокруг проблемы «большевизм и религия». Этот автор много писал также о коллективизации сельского хозяйства в СССР. При этом он не опубликовал никаких более глубоких исследований. Институт научного изучения коммунизма также издавал интересно задуманную документальную серию «Письма из Советской России». «Как правило, это были полезные издания, хотя с точки зрения научного метода исследования их уровень был очень разным», – писал позднее генерал Т. Пелчиньски¹⁷⁰. Группа о. Квятковского старалась

¹⁶⁷ Ксендз установил контакт с председателем Лagersа национального объединения – полковником Адамом Коцем.

¹⁶⁸ Биографические данные ср.: S. Łoza (составление), *Czy wiesz kto to jest?* Warszawa 1938, s. 404-405. Ксендз Квятковски действовал также после войны в эмиграции (в Лондоне он основал так называемые «Курсы большевизмоведения»). Очень богатое архивное наследие о. Антония Квятковского находится в Институте Гувера в Калифорнии. Там же хранится рукопись его «Автобиографии». Подробной биографии нет.

¹⁶⁹ Об этом свидетельствует письмо о. Квятковского прелату Константы Будкевичу от 13 ноября 1922 года, Библиотека Люблинского католического университета в Люблине (Отдел рукописей), Papiery ks. K. Budkiewicza, rkps. 787.

¹⁷⁰ Записка генерала Т. Пелчиньского, SPP, Papiery gen. Tadeusza Pełczyńskiego, KOL. 13721.

воздействовать на общественное мнение в направлении пропаганды антикоммунизма. Это направление доминировало особенно в работах главы Института.

Ближайшим сотрудником о. Антони Квятковского был выступающий под псевдонимом Ян Альфред Регула, автор опубликованной в 1934 г. «Истории Коммунистической партии Польши», ранее деятель КПП¹⁷¹. Появление работы Регулы несомненно было инспирировано польской разведкой¹⁷². Автор (его подлинная фамилия Юзеф Митценмахер), бывший деятель КПП, был агентом разведки Управления безопасности МВД, и ему оказывал поддержку начальник политического департамента этого министерства Хенрык Кавецки. Работа Регулы содержала значительный познавательный материал, хотя, конечно, она не была объективным и беспристрастным исследованием на эту тему. Выход такой книги, целью которой было разоблачение, стал большим успехом польских разведывательных служб и, несомненно, вызвал замешательство в кругах КПП и Коминтерне.

В возрожденной Польше действовали также официально зарегистрированные антикоммунистические объединения, при которых со временем были организованы советологические исследования. Здесь следует назвать, прежде всего, «Антибольшевистское соглашение», зарегистрированное Воеводским судом столичного города Варшавы 10 декабря 1930 г. Организатором этого объединения был Хенрык Глясс, педагог, публицист и известный деятель Союза польских харцеров¹⁷³. Заместителем председателя стал о. Квятковский. Уже в 1921 г. Глясс создал Восточный отдел при Штаб-квартире харцерства и на его базе организовал «Антибольшевистское соглашение». Глясс, как и о. Антони Квятковский, пользовался поддержкой Хенрыка Кавецкого¹⁷⁴. По своему замыслу Антибольше-

¹⁷¹J. A. Reguła, *Historia Komunistycznej Partii Polski w świetle faktów i dokumentów*, Warszawa 1934 [новое издание вышло в 1934 году с предисловием В. Пронобиса, замечания которого, однако, достаточно поверхностны].

¹⁷²Предисловие В. Пронобиса, там же, s. III-XIV.

¹⁷³Хенрык Глясс выпустил несколько брошюр и книг, посвященных советской тематике, ср.: *Zamach komunizmu na młodzież. Dokumenty*, Płock 1927.

¹⁷⁴Отсюда возникло мнение, что Глясс сотрудничал с польской разведкой. Это обстоятельство, конечно, трудно проверить. Архив «Антибольшевистского Соглашения» был в 1939 году уничтожен. В своем труде Х. Глясс ничего не пишет о контактах с МВД или с II Отделом Главного Штаба.

вистское соглашение должно было стать ассоциацией антикоммунистических объединений в Польше, что подчеркивалось в уставе. В нем программно декларировался принцип аполитичности и беспартийности. В Главный совет Соглашения в 1930 г. входили, в частности, Зофья Жилиньска, Эвелина Стшижевска, Юзеф Янга-Бзовски, инж. Юзеф Нагурски и Хенрык Глясс. При Антибольшевистском соглашении было создано Центральное бюро¹⁷⁵. Между тем, еще в 1927 г. Х. Глясс начал издавать бюллетень «Борьба с большевизмом». Первый номер был датирован 1 мая 1927 года. После создания Антибольшевистского соглашения журнал стал его органом. Содержание отдельных номеров состояло из трех разделов, в которых обсуждались проблемы III Интернационала, публиковалась информация о внутренней жизни Советской России, а также информация о деятельности Соглашения. Этот журнал выходил до 1931 г.¹⁷⁶ Приостановление издания по официальной версии было вызвано финансовыми трудностями. Вместо него только в 1937 г. был создан «Информационный бюллетень. Правда о коммунизме», более богатый по содержанию и большего объема. Редактором стал Хенрык Глясс, который уже после войны писал, что этот журнал был «первой в мире энциклопедией по антикоммунизму»¹⁷⁷. Здесь следует также вспомнить о международных контактах Антибольшевистского соглашения, которые этой группе удалось установить до 1939 года. «Соглашение» сотрудничало с антикоммунистическими организациями, в основном, из Франции, Великобритании, Бельгии, Чехословакии и Болгарии. Деятели «Соглашения» установили сотрудничество с *Mouvement Publique Internationale League*, которое возглавлял проф. Г. Готеро. Антибольшевистское соглашение вступило также в международную антикоммунистическую организацию *Entente Internationale contre le III-e Internationale*, которая имела свое постоянное бюро в Женеве с 1924 года и объединяла около 30 антикомму-

¹⁷⁵Н. Glass, *Metody ekspansji komunizmu. Dzieje ukształtowania systemu w latach 1919-1939*, Londyn 1980 (размноженная машинопись).

¹⁷⁶Таким образом, вышло пять ежегодников. Всего около 1300 печатных страниц.

¹⁷⁷Всего 2100 страниц.

¹⁷⁸*Entente Internationale contre le III-e Internationale* издавало также бюллетень под названием "Documentation Mensuell".

нистических организаций из всей Европы¹⁷⁸. Председателем стал Т. Обер. В рамках «Международного соглашения против III Интернационала» значительную роль играли в интеллектуальном отношении русские эмигранты, работы которых, посвященные Советской России и большевизму, достаточно широко комментировались в Польше¹⁷⁹. По словам генерала Тадеуша Пелчиньского (в 1932-1938 – начальника отдела II Главного штаба) о. Квятковски в тридцатые годы установил также контакт с немецкой организацией *Antikomintern* в Берлине, которая опиралась на принципы гитлеровской идеологии¹⁸⁰. В 1939 г. председателем «Антибольшевистской лиги» был Игнаци Чума (1891-1963), доцент по государственным финансам Ягеллонского университета, профессор Люблинского католического университета¹⁸¹.

Польское общество изучения Восточной Европы и Ближайшего Востока

Совсем иной характер, чем указанные выше востоковедческие центры, имело Польское общество по изучению Восточной Европы и Ближайшего Востока. В Польше только в 1928-1929 годы идея создания объединения специалистов по восточной тематике приобрела реальные очертания. В таких условиях перед лицом новых задач было организовано и приняло устав Польское общество по изучению Восточной Европы и Ближайшего Востока. Инициатором идеи создания этого общества и его организатором был Вацлав Ледницки¹⁸². Польское объединение также получило полную автономию как научно-исследовательская корпорация. Пост председателя доверили Яну М. Розвадовскому, языковеду и видному слависту – профессору Ягеллонского университета и

¹⁷⁹Ср., напр.: А. Биликевич. *Маркшизм – исложение и критика*. – Белград, 1936; Г. К. Ильченко. *Социализм*. – Париж, 1937; Н. А. Марков. *Исторический материализм*. – Париж, 1937; О. Spaim, *Les lois du marxisme, leur refutation*, Geneve 1936.

¹⁸⁰Записка генерала Т. Пелчиньского, SPP.

¹⁸¹И. Чума получил кандидатскую степень на факультете права в Ягеллонском университете в январе 1922 года. На этом факультете он также защитил докторскую диссертацию в декабре 1924 года на основе работы *Równowaga budżetu na tle prawa budżetowego różnych państw*. Akta w Archiwum UJ, WP II - 138. Ср.: О. Ostaszewska, *Ignacego Czumy analiza totalitaryzmu // Między polityką a etyką* (сборник), Lublin 1999.

¹⁸²Автобиография В. Ледницкого этого периода. Ср.: он же, *20 lat w wolnej Polsce*, Londyn 1973.

председателю Польской академии знаний в 1925-1929 гг. Устав был разработан летом 1928 года. Документ одобрил и утвердил министр по делам религии и общественного образования – профессор Славомир Червиньски. Общество должно было «способствовать углублению знаний о народах, живущих в Восточной Европе и на Ближайшем Востоке». До начала войны состоялись два съезда Общества по изучению Восточной Европы и Ближайшего Востока – с участием довольно многочисленных иностранных делегаций. Первый съезд прошел в 1929 г., а второй в 1934 г. До 1935 г. председателем был проф. Ян Розвадовски, вице-председателем Константы Сроковски, а Главным секретарем уже упоминавшийся выше Вацлав Ледницки – профессор истории русской литературы Ягеллонского университета. В состав правления вошли, кроме того, языковед и славист Тадеуш Лер-Сплавински (профессор Ягеллонского университета), Владислав Моле (историк искусства), ориенталист Тадеуш Ковальски (профессор Варшавского университета), историки Станислав Вендкевич и Михал Яник, историк Ян Домбровский, англист Роман Дыбоски, а также блестящий историк культуры и социолог Ян Станислав Быстронь (Варшавский университет). Деятельность Общества была связана с созданием в октябре 1925 года при Ягеллонском университете Славянского центра¹⁸³. Для развития польского востоковедения большое значение имели «Труды Польского общества по изучению Восточной Европы и Ближайшего Востока». Редактором этой чрезвычайно интересной издательской серии стал Вацлав Ледницки. В этой серии,

¹⁸³ Об этом см.: K. Michalewska, *Studium Słowiańskie (1925-1951)* // J. Michalewicz (red.), *Inwentarz akt wydziałów i studiów Uniwersytetu Jagiellońskiego 1850-1939 (1954)*, Kraków 1997, s. 327-335.

¹⁸⁴ В частности, были опубликованы работы из области законодательства об отношениях церкви и государства, новейшей истории, языкознания и истории литературы. В том числе: S. Langrod, *O autokefalii prawosławnej w Polsce*, Kraków 1931; W. Гльск, *Sarajewo (Historia zamachu)*, Kraków 1935, t. 9; *Miscelanea slawistyczne* (сборник) Kraków 1937, две работы X. Батовского: H. Batowski, *Państwa bałkańskie (1938)*; *Podstawy sojuszu bałkańskiego 1912 r. (1939)*, а также три исследования В. Ледницкого: W. Lednicki, *Puszkina*, Kraków 1937-1939; он же, *Przyjaciele Moskale*, Kraków 1938; он же, *Quelques aspects du nationalisme et chistianisme chez Tolstoi (Les variations tolstoïennes a l'égard de Pologne)*, Cracovie 1935. Заслуживает внимания в особенности том исследований, посвященных Мариану Эдзеховскому под названием *Z zagadnień kulturalno-literackich Wschodu i Zachodu*, Kraków 1933/1934 (с участием польских и иностранных славистов).

издаваемой в Кракове, вышло до начала войны восемнадцать книг¹⁸⁴. Кроме того, роль действующего в Кракове Объединения у истоков польских советологических исследований была достаточно ограниченной и наверняка не столь значительной, как созданное в 1920 г. в Германии общество *Gessellschaft zum Studium Osteuropas*¹⁸⁵.

Восточный отдел Министерства иностранных дел

Реконструируя начальный этап советологических исследований в Польше в период между двумя мировыми войнами, следует также вспомнить о Восточном отделе Министерства иностранных дел. В рамках отдела действовал «советский сектор». В польском МИД это подразделение имело фундаментальное значение в области анализа внутренних отношений и внешней политики СССР. Собственно организатором и первым начальником Восточного отдела был Леон Василевски¹⁸⁶. На протяжении отрезка между двумя мировыми войнами эту должность занимали, как правило, дипломаты, имеющие собственный сформировавшийся взгляд на проблемы Восточной Европы и Советской России. Это были поочередно Роман Кноль (1921-1922), Юлиуш Лукасевич (1922-1926), Тадеуш Холувко (1927-1931), Тадеуш Шецель (1931-1935), а в 1935-1939 Тадеуш Кобыляньски¹⁸⁷. Роль Восточного отдела в формировании зарубежной политики Польши была серьезной, а в последние годы перед началом войны даже возросла ввиду высокого положения начальника Тадеуша Кобыляньского.

Во внутренней структуре Восточного отдела были вычленены по территориальному принципу специальные исследовательские группы (секторы). Проблематикой СССР

¹⁸⁵ *Gessellschaft zum Studium Osteuropas* координировало издание *Osteuropäische Forschungen* (Berlin-Königsberg) под редакцией Ганса Юберсбергера. До 1938 года в этой серии (как "Neue Folge") вышло 28 книг по восточноевропейской тематике.

¹⁸⁶ Ср.: W. Michowicz, *Organizacja polskiego aparatu dyplomatycznego w latach 1918-1939 // Historia dyplomacji polskiej...*, s. 22.

¹⁸⁷ Мнения о Т. Кобыляньском в историографии весьма критичны. Об этом ср.: L. Mitkiewicz, *Wspomnienia kowieńskie 1938-1939*, wyd. 1, Warszawa 1990, s. 36, а также J. Łaptos (обр.), *Dyplomaci II RP w świetle raportów Quai d'Orsay*, Warszawa 1993, s. 30. Полковник Миткевич называет Кобыляньского «политическим мозгом тогдашнего МИДа», может быть с некоторым преувеличением. Ср. также: M. Leczyk, *Polska i sąsiedzi. Stosunki wojskowe 1921-1939*, Białystok 1997.

занимался советский сектор. В последний период перед началом войны (1934-1939) во главе этого сектора стоял Станислав Забелло (1902-1970), дипломат молодого поколения, выпускник юридического факультета Познаньского университета¹⁸⁸. У него была репутация компетентного аналитика советских проблем и главного эксперта-«советолога» по этой тематике. До того как занять эту должность, он был I секретарем Посольства РП в Москве (1929-1934) и успел хорошо познать реалии Советской России¹⁸⁹.

В 1936-1938 гг. Забелло читал лекции о внешней политике СССР для работников польской дипломатической службы¹⁹⁰. Рассматривая эволюцию польско-советских отношений после 1932 г., он выдвигал тезис, что полная продолжительная стабилизация этих отношений невозможна, поскольку СССР, несмотря на литвиновскую концепцию «коллективной безопасности», по-прежнему остается заинтересованным в изменении расстановки сил в Европе. Здесь следует также вспомнить, что Забелло читал лекции по той же проблематике в вильненской Школе политических наук при Институте Восточной Европы¹⁹¹. В лекции, прочитанной 3 марта 1936 г. на Научных курсах для работников зарубежной службы, Забелло предостерегал от забвения, что «на нашей восточной границе существует очаг экспансионистских идей, которые ничуть не гаснут, а следовательно, постоянно нам угрожают и с которыми мы постоянно должны считаться, не поддаваясь пассивности и беспечности. Это, – утверждал он, – первостепенное и важное условие. Второе – это необходимость постоянного осознания того, что государственный организм нашего

¹⁸⁸ См.: *Rocznik służby zagranicznej (po przyjęciu na 1 kwietnia 1938 r.)*, Warszawa 1938.

¹⁸⁹ Забелло оставил интересные неопубликованные дневники, доведенные, к сожалению, только до 1933-1934 годов. Рукопись хранится в Национальном институте Оссолинских во Вроцлаве, sygn. акс. 205/75, cz. 3.

¹⁹⁰ В Национальной библиотеке в Варшаве находятся рукописи лекций Забелло за 1935-1939 годы о внешней политике и государственном строе в СССР, которые он читал в рамках научного курса для работников зарубежной службы: (1) *Советская Россия* (лекция от 3 марта 1936 г.), Варшава, 1936 [размноженная машинопись, с. 43]; (2) *Акция Коминтерна* (лекция от 14 апреля 1937 г.), Варшава, 1937 [размноженная машинопись, с. 24, 1937]; (3) *Польша и Советский Союз* (лекция, прочитанная в июле 1938 г., Варшава, 1938 [размноженная машинопись, с. 16, 1938]).

¹⁹¹ См.: *Szkoła Nauk Politycznych przy Instytucie Naukowo-Badawczym Europy Wschodniej w Wilnie. Spis wykładów i grono nauczające w roku akademickim 1936/37. Plan wykładów na rok akad. 1936/37*, Wilno 1936.

восточного соседа, несмотря на многочисленные внутренние трудности, не дает оснований предполагать, что он скоро сломается, во что у нас столько лет верили, совсем наоборот, этот организм год от года все более укрепляется в военном и экономическом отношении, и с каждым годом соотношение сил изменяется не в нашу пользу. Столь же опасной ошибкой было бы как закрывать глаза на усиление Советской России, так и пессимистически опускать руки перед лицом нависшей над нами угрозы»¹⁹². Анализ и взгляды Забелло по советской тематике имели в особенности в 1938-1939 гг. принципиальное влияние на позицию Восточного отдела. При этом следует помнить, что Восточный отдел МИДа не был единственным в структуре политических и военных властей II Речи Посполитой аналитическим центром по проблемам Советской России. Ибо аналитическую работу по советской тематике также вел сектор «Восток» в Отделе II Главного штаба, которым в 1930-1939 гг. руководил капитан Ежи Незбжицки. В этом раскладе нельзя также обойти чрезвычайно существенную роль Посольства РП в Москве, где, наряду с позициями послов Юлиуша Лукасевича и Вацлава Гжибовского, большое значение имели взгляды советника д-ра Тадеуша Янковского (до 1934 г. начальника советского сектора в управлении МИД). Поэтому принимаемые в министерстве решения были результатом работы всех этих центров и персональных факторов, хотя в документальных материалах находит свою поддержку тезис о том, что при взаимодействии по линии МИД разведка не действовала должным образом¹⁹³. Таким образом, представляется, что в годы, непосредственно предшествующие началу войны 1939, в аналитической работе по тематике СССР уменьшалась роль разведывательных служб и возрастало значение Восточного отдела и в особенности посольства в Москве.

Польские востоковедческие и советологические журналы

¹⁹²S. Zabiełło, *Rosja Sowiecka* [размноженная машинопись, s. 43], Biblioteka Narodowa w Warszawie, s. 42.

¹⁹³Об этом прежде всего в показаниях майора Рафала Люциана Протассовского от 28 октября 1939 года для Регистрационного Бюро Министерства военных дел, Институт Польши и Музей генерала Сикорского в Лондоне (далее IPMS), шифр В.1.6h/3, 502/39.

Важную роль в формировании польской советологической мысли в период между двумя мировыми войнами играли специализированные журналы. Вспомним здесь, что в Германии, в кругу *Ostforschung*, функционировала хорошо разветвленная сеть журналов с берлинским ежемесячником “*Osteuropa*” во главе. В Польше также выходили периодические журналы для нужд советологических исследований и популяризации востоковедческой тематики. Достижения научных кругов II Речи Посполитой в этой сфере, наверное, оставляли желать много лучшего. Финансовые трудности отрицательно сказались на этих усилиях. Однако в тридцатые годы возникло несколько интересных востоковедческих и советологических журналов, занимавших достойное место в интеллектуальной жизни тогдашней Польши. Поэтому также мы даем краткое обозрение важнейших изданий.

«*Восток Польши*»

Журнал «Восток Польши» выходил в 1920-1922 гг. сначала в Вильно (январь – июль 1920 г.), а затем в Варшаве (август 1920 г. – март 1922 г.). Это было несомненно первое в возрожденной Польше востоковедческое периодическое издание, которое выходило, к сожалению, слишком недолго, чтобы принципиально повлиять на облик польской восточной мысли¹⁹⁴. Сначала этот журнал выходил раз в две недели, а затем стал ежемесячным изданием. На титульном листе был помещен подзаголовок: «Ежемесячник, посвященный проблемам польских восточных земель, а также польской политике на Востоке». На практике среди авторов преобладал интерес к международной тематике. На страницах «Востока Польши» выступали, в частности, представители тогдашней историографии и польских гуманитарных наук того времени, такие как Оскар Халецки, Марцели Хандельсман, Ян Кухажевски, Хенрык Мостицки, Юзеф Семеньски, Хенрык Пашкевич, Станислав Сроковски, Винценты Лютославски, Эугениуш Ромер, Антони Суйковски, Владзимеж Вакар, Мельхиор Ванькович. Среди авторов, печатавшихся в этом журнале, следует назвать также Витольда Каменецкого, Тадеуша Кательбаха, Тытуса Комарницкого, Конрада Либицкого, Болеслава Сроцкого, Мариана Свеховского, Эдварда Малишевского, Владислава Студницкого, Казимежа

¹⁹⁴Первый номер вышел в начале 1922 г. (ср.: “*Wschyd Polski*”, z. 1-3, 1922).

Тышковского, а также известных потом дипломатов: Юлиуша Лукасевича, Тадеуша Лыховского, Станислава Яниковского. Заслуживает внимания в особенности публицистика Кахимежа Соханевича, который формулировал интересные постулаты и концепции по вопросу организации востоковедческих и советологических исследований в возрожденной Польше.

В программной декларации этого журнала редакция выразила убеждение в том, что вокруг него «разовьется свободная, разносторонняя и серьезная дискуссия». Руководствуясь этой мыслью, делались попытки организовать обмен взглядами вокруг основных проблем восточной политики Речи Посполитой. Именно на страницах «Востока Польши» был в 1921 году поставлен важный вопрос о месте Польши в Европе. Тогда шли дебаты вокруг проблемы, должна быть возрожденная Польша барьером «между Германией и Россией» или же она должна искать свое место в роли «моста» между этими державами, и между Востоком и Западом. Справедливо считалось, что, формируя основы по возможности объективного знания о Восточной Европе и о «новой России», Польша будет служить Западной Европе «приводным ремнем» в восточном направлении, а не традиционным «барьером».

В сфере советологических исследований заслуживает внимания, прежде всего, представленная на страницах этого журнала рубрика под названием «Большевизм в свете собственной литературы», в рамках которой анализировались и комментировались советские публикации, касающиеся проблем строя и международной политики, а также работы, посвященные Польше. Немного места отводилось также полемическим статьям, посвященным позиции западно-европейских кругов, формирующих общественное мнение в отношении большевизма и Советской России¹⁹⁵.

«Ежегодник Набчно-ийиисследовательского инититота Воиточноэ Европы в Вильно»

«Ежегодник Научно-исследовательского института Восточной Европы в Вильно» был – наряду с периодическим изданием “Balticoslavica” – основным органом вильненского центра советологов. Создать журнал было решено в 1932 г.

¹⁹⁵Ср., напр.: L. Ławenicz, *Wyznawcy i prorocy bolszewizmu* // “Wschyd Polski”, z. 10-11, 1920, s. 37-44.

после завершения организационного этапа в истории института. Первый том вышел в 1933 г. под редакцией Стефана Эренкройца, который руководил редакционной политикой института. Опубликованный том содержал пять обширных работ по востоковедческой тематике, в которых особое внимание уделялось Литве. Статью о внешней политике Литвы опубликовал директор вильненской Школы политических наук Владыслав Вельхорски («Территориальные вопросы в политике Литвы»). Проблеме Клайпеды было посвящено исследование Теодора Нагурского, а конкордату Литовской Республики с Апостольской столицей была посвящена работа о. Антони Висконта. Советологической же тематики касались статьи Северына Выслоуха («Роль коммунистической партии Западной Белоруссии в национальном движении белорусов в Польше») и Гжегожа Виршубского («Охрана государства в уголовном праве Советского Союза, с учетом проекта Крыленко»). Выслоух писал об активизации белорусского вопроса, предпринимаемой СССР, а Виршубски интересно анализировал советский Уголовный кодекс на сравнительном фоне – принимая во внимание итальянский (фашистский) кодекс уголовного права и гитлеровское уголовное законодательство¹⁹⁶.

Второй том «Ежегодника», подготовленный под руководством Станислава Свяневича в 1933 г. и выпущенный в 1934г., имел полностью монографический характер и охватывал в основном проблемы экономической политики СССР¹⁹⁷. Здесь были помещены, прежде всего, два уже упоминавшихся исследования Свяневича: «Беглый взгляд на основные проблемы советской экономической политики», а также «Некоторые вопросы советской тяжёлой промышленности». Михал Круль (доцент международного права Университета им. Стефана

¹⁹⁶ "Rocznik Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej", t. 1. 1933. Исследование Выслоуха было исчерпывающим и обширным (с. 174-240), Виршубски же делал только произвольные замечания к поставленной проблеме (с. 241-252). Кроме того, "Rocznik..." предоставлял богатый информационный материал о первом организационном периоде Института.

¹⁹⁷ "Rocznik Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej", t. 1. 1934. t. II (Zagadnienia gospodarze ZSRR).

¹⁹⁸ M. Kryl, *Pieniądz i kredyt w ZSRR* // "Rocznik...", t. II, 1934, s. 48-116; W. Staniewicz, *Kolektywizacja rolnictwa Rosji Sowieckiej* // Там же, s. 117-169; J. Wiszniewski, *Problem "chozraszczetu"* // "Rocznik...", t. II, s. 307-332; F. Lint, *Sowiecki przemysł tekstylny w latach 1928-1932* // "Rocznik...", t. II, s. 290-306.

Батория) опубликовал работу под названием «Деньги и кредит в СССР»¹⁹⁸. Большое значение имели размышления Витольда Станевича на тему сталинской коллективизации сельского хозяйства. М. Круль ставил вопрос о роли денег в экономике СССР. Станевич же анализировал основные положения и реальные факты программы коллективизации. Содержание «Ежегодника» дополняли работы Януша Ягмина, Фанни Линта и Ежи Вишневого. Кроме того, во втором номере «Ежегодника» были опубликованы двенадцать рецензий, в большинстве своем критических, на работы польских и западных советологов, в том числе на книги Станислава Мацкевича, Яна Отгмара Берсона, Владыслава Студницкого, Михала Фарбмана и нескольких немецких авторов¹⁹⁹. Таким образом, опубликованные в этом томе исследования были глубокими и важными. Однако тогда (1932-1933 гг.), через пятнадцать лет после большевистской революции, можно было анализировать реалии Советской России с большей объективностью и опираясь на более обширный документальный материал, а также с учетом все более увеличивающегося объема мировой литературы на эту тему.

«Ежегодник Научно-исследовательского института Восточной Европы в Вильно» не завоевал, к сожалению, прочного места в интеллектуальной жизни Польши периода между двумя мировыми войнами. После выхода двух томов издание журнала было прервано, хотя, по словам Свяневича, подготавливался третий том, предназначенный для публикации в

¹⁹⁹S. Mackiewicz, *Myśl w obcokrajach. Rzecz o psychologii społeczeństwa Sowietów*, Wilno 1933, wyd. 3. (rec.) S. Swianiewicz, "Rocznik...", t. II, s. 358-359; J. O. Berson, *Nowa Rosja. Na przelomie dwóch pikiolecek*, Warszawa 1933 (rec.) S. Swianiewicz, "Rocznik...", t. II, s. 356-358; M. Farbman, *Piatiletka*, Warszawa 1931, (rec.) W. Studnicki, "Rocznik...", t. II, s. 346-348; W. Studnicki, *Rosja...* (rec.) J. Śwircicki, "Rocznik...", t. II, s. 354-356; P. Haensel, *Die Wirtschaftspolitik Sowjetrusslands*, Tübingen 1930 (rec. W. Studnicki, там же, s. 341-343); A. Jugow, *Die Volkswirtschaft der Sowjetunion und ihre Probleme*, Dresden 1929 (rec. W. Studnicki, там же, s. 343-346); Сборник: *Die rote Wirtschaft. Probleme und Tatsachen*, hrsg. G. Dobbert, Knigsberg 1932, в нем важные статьи: Otto Hoetzsch и William H. Chamberlin (rec. W. Studnicki, там же, s. 349-350); H. Nagler, *Die Finanzen und die Wahrung der Sowjetunion*, Berlin 1932 (rec. J. Wiszniewski, там же, s. 350-352); Струмилини С. Г. *Проблемы планирования в СССР*. - Ленинград, 1932 (rec. J. Wiszniewski, там же, s. 352-354); Сборник *Welt vor dem Abgrund. Politik, Wirtschaft und Kultur in kommunistischen Staate*, hrsg. J. Iljin, Berlin 1931 (rec. W. Studnicki, там же, s. 360-368); A. Rundt, *Sowiety tworzą nowego człowieka*, tłum. M. Sieniawski, Warszawa 1932 (rec. W. Studnicki, там же, s. 368-370).

1935 г. Приостановление издания, вероятно, было обусловлено финансовыми трудностями, во всяком случае, такая причина указывалась официально. Прекращение выхода «Ежегодника» обеднило «школу» вильненских советологов в значительной степени. Поскольку не стало в Польше единственного журнала, сообщающего о зарубежных публикациях в сфере советологии. На месте «Ежегодника», к сожалению, не появилось никакого нового издания, хотя сотрудники института рассматривали возможность создания нового периодического советологического издания перед самым началом войны 1939 года. Подводя итог, следует подчеркнуть, что «Ежегодник Научно-исследовательского института Восточной Европы» значительно помог развитию польской советологической мысли.

«Woitpocnyé бюллетень Министертва иноитранных дел»

Интересным издательским предприятием был «Восточный бюллетень Министерства иностранных дел». Этот журнал возник в рамках Восточного отдела МИД и на практике стал неформальным органом советского сектора этого отдела. Журнал выходил раз в месяц. Первая тетрадь вышла в мае 1927 г. Это периодическое издание издавалось на правах рукописи и являлось бюллетенем, предназначенным для внутреннего пользования зарубежных служб. Отдельные номера рассылались по польским дипломатическим представительствам в СССР и в Центрально-Восточной Европе. Создание этого журнала свидетельствовало о росте заинтересованности в восточной проблематике в польском МИД после майского переворота в 1926 году. В 1932 году журнал перестал выходить. Всего вышло двенадцать номеров. Отдельные тетради «Восточного бюллетеня МИД» носили монографический характер. В очередных выходящих в свет номерах обсуждались исключительно проблемы зарубежной политики и внутренней ситуации в СССР. Уделялось также внимание экономическим и национальным проблемам этой сферы²⁰⁰. Каждый текст выходил не только по-польски, но и по-французски. Отдельные статьи появлялись без подписи автора. Инициатором издания журнала был Тадеуш Холувко. В формировании содержания размещаемых там аналитических статей, несомненно, большое участие принимал д-р

²⁰⁰Документация по этому журналу: AAN, MSZ, sygn. 8075.

Тадеуш Янковски, тогдашний руководитель Советского сектора в Восточном отделе МИД.

Станіслав Глясс і бюллетень «Советі́яка Ройі́я»

Советологический журнал «Советская Россия» редактировал Станислав Глясс. Отдельного разговора заслуживают достижения коллектива, объединившегося вокруг Станислава Глясса, который был прекрасным редактором²⁰¹. Это периодическое издание выходило в 1931-1937 гг. в Варшаве на правах рукописи. Журнал выходил два раза в месяц. Первый номер вышел 27 июля 1931 г., а, начиная с пятого номера, отдельные тетради регулярно выходили 10 и 25 числа каждого месяца. Это издание, выходящее раз в две недели, было программно ориентировано на экономическую проблематику СССР. Каждый номер имел монографический характер и был посвящен избранной проблеме (например, сельское хозяйство и коллективизация; внешняя торговля СССР; тяжелая и военная промышленность). Приоритет отдавался анализу результатов сталинской политики планирования. Большое значение имела эссеистика, а также постоянно действовавший отдел рецензий. Этот журнал стал, вероятнее всего, самым значительным советологическим периодическим изданием в Польше периода между двумя мировыми войнами. До конца 1936 г. вышло 88 тетрадей. Рышард Шавловски считает, что группа Станислава Глясса действовала независимо от правительственных структур – в отличие от Института научного исследования коммунизма²⁰². Поэтому здесь следует подчеркнуть, что этот журнал выходил по заказу Экономического совета Министерства иностранных дел, и этим подразделением он финансировался. Аналитические статьи, публикуемые в журнале, оказывали помощь, прежде всего, этому министерству. Редактор журнала Станислав Глясс был экономистом, работником МИД, он занимался в основном тематикой международных торговых отношений. По этой теме он много публиковался в разных журналах, в том числе в «Пшегленд Политычны» и «Политыка Народув». Кроме того, Станислав Глясс принадлежал к главным организаторам

²⁰¹ Полное название журнала было следующим: "Rosja Sowiecka. Gospodarczy Biuletyn Informacyjny. Czasopismo poświęcone zagadnieniom ewolucji społecznej i gospodarczej ZSSR".

²⁰² R. Szawłowski, op. cit., s. 33, прим. 88a.

информационного агентства «Экспресс», которое занималось сбором и передачей информации об СССР. Телеграфное агентство «Экспресс» возникло по инициативе Тадеуша Холувко и при поддержке Министерства внутренних дел.

Все советологические работы, публиковавшиеся на страницах «Советской России», к сожалению, были не подписаны и возникали, наверняка в результате коллективной работы аналитиков. Итак, к примеру, следует представить содержание номера бюллетеня от 12 января 1932 г. Размышления, представленные в этой тридцатистраничной тетради, касались, прежде всего, «постоянства курса экономической политики СССР», а также «границ реформ Сталина» (в экономической политике). В этом номере также уделялось много внимания решающей роли Иосифа Сталина в Коммунистической партии. Был представлен анализ предпосылок хозяйственного плана на 1932 г. Здесь же были помещены статьи о советской промышленной и сельскохозяйственной политике. Кроме того, в представляемой тетради мы находим замечания о «хаосе планов и советской статистике». Много места занимает также проблема рабочего класса в СССР. Однако внимания заслуживает, главным образом, статья под названием «Попытка экономического прогноза (на каком участке происходит решающая борьба за строй в СССР)». Таким образом, тематика бюллетеня была разнообразной, и содержание каждого номера довольно удачно отражало главные проблемы экономики СССР. В выводах царил сдержанный критицизм, а также, что следует особо подчеркнуть, аналитический подход к изучаемым проблемам.

Влодзимеж Бончковіки и «Восток/Orient»

Неформальным органом «прометеевского» движения был в тридцатые годы ежеквартальный журнал «Восток/Orient» (журнал выходил в Варшаве в 1930-1939 гг.). Место этого периодического издания на карте польского востоковедения периода между двумя мировыми войнами было, несомненно, значительно²⁰³. Однако этот журнал не носил научного характера и был предназначен для широких кругов интеллигенции. Формально «Восток/Orient» был органом Ориента-

²⁰³ Несомненно, необходимо было бы создать монографическое исследование об этом журнале.

листского кружка молодежи при Восточном институте. На титульном листе стоял подзаголовок: «Орган польской молодежи, посвященный вопросам дружественного сближения и знакомству с народами Ближайшего и Дальнего Востока». И хотя редактором был Влодзимеж Бончковски (выпускник юридического факультета Варшавского университета), однако общую концепцию этого журнала создал Ежи Гедройц, который одновременно был редактором издания «Мысль Моцарствова», а в последующие годы изданий «Бунт Млодых» и «Политыка». До войны вышло девять ежегодников. Первые два года «Восток/Orient» выходил раз в полгода, а затем – раз в квартал. Это периодическое издание выходило также в варианте, предназначенном для зарубежного читателя (наиболее значительные тексты выходили также по-французски и по-английски).

«Восток/Orient» не был журналом по своей программе советологическим, хотя в нем публиковались также статьи на тему большевизма и Советской России. В области этой тематики заслуживают внимания именно публикации Ежи Незбжицкого (частично под псевдонимом), несомненно, видного советолога, тогдашнего руководителя сектора «Восток» в Отделе II Главного штаба (1930-1939)²⁰⁴. Однако в интересах «прометеевских» кругов приоритетное место занимали проблемы нерусских народов СССР и их политические устремления. В особенности эти круги проявляли интерес к проблематике народов Кавказа и Средней Азии, не отказываясь при этом от серьезного анализа украинской и белорусской проблематики. Вопросам большевизма и советской системы посвящалось меньше внимания, хотя выходили также статьи сугубо советологические. Много было публикаций о национальной политике СССР. Приоритетное внимание к кавказской проблематике проистекало от того, что в этом районе находился главный вектор «прометеевской» концепции (название придумано, вероятно, полковником Тадеушем Шетцелем)²⁰⁵. Создатели этого движения помнили о том, что

²⁰⁴Ср., напр., М. М. (псевдоним), *ZSRR a rzeczywistość*ж *Artykuły w kwartalniku "Wschód"*, [aut. Jerzy Niezbrzycki], Warszawa 1936.

²⁰⁵Польская разведка уже в 1921 году поддерживала контакты с так называемым «Советом действий народов Востока», Сектор II Отдела Верховного командования с 3 января 1921 года IPSM, sygn. A-12-1/4 (машинопись).

народы, проживающие в этом регионе, не смирились с советской системой.

В итоге «прометеевское» движение стимулировало и развивало интерес к национальным проблемам в СССР в Польше в период между двумя мировыми войнами.

²⁰⁶К сожалению, не написана биография этого столь важного персонажа в интеллектуальной жизни довоенной Польши.

²⁰⁷Ср. в особенности вступительную статью (не подписанную) под названием *Na przełomie stosunków polsko-sowieckich* // "Przegląd Wschodni", R. III, z. 1, (czerwiec) 1934, s. 3-9.

²⁰⁸Некролог памяти Влодзимежа Вакара в журнале "Przegląd Wschodni", R. III, z. 1, (czerwiec) 1934, s. 1-2. Об этом периоде в польско-советских

Влодзимеж Вакар и «Пшеглєнд Вїходни»

Отдельное место на карте польского востоковедения занимает группа «Пшеглєнд Вєходни» и ее весьма интересная идейная программа. Эта группировка образовалась вокруг Влодзимежа Вакара (1885-1933), ученого большого масштаба²⁰⁶. Вакар прекрасно знал Россию – он родился в Тамбове, был выпускником юридического факультета Петербургского университета, в Польшу вернулся в 1918 году, посвятив себя педагогической, а также научной работе в области экономики, статистики и демографии. Вакар – как уже упоминалось – имеет видные заслуги в формировании основ польского востоковедения. Он был создателем журнала «Пшчимеже» (1920-1921) и инициатором создания Союза сближения возрожденных народов – международной организации, объединяющей элиту антисоветской кавказской, украинской и белорусской эмиграции. Это позже положило начало прометеевскому движению. Однако журнал «Пшеглєнд Вєходни» имел иной идейный облик и ставил перед собой иные политические задачи. Группа журнала «Пшеглєнд Вєходни», принципиально отвергая коммунистический строй, искала пути к польско-советскому сближению и предлагала собственный «взгляд на Россию». Вакар принадлежал к тем польским интеллектуалам тридцатых годов, которые – после подписания 25 июля 1932 г. пакта о ненападении – ожидали не только дальнейшей стабилизации взаимоотношений, но и политического сотрудничества между Варшавой и Москвой во имя защиты статус-кво, которому угрожала опасность в этом регионе Европе. Для реализации такого представления Вакар предлагал переориентацию польской политической мысли²⁰⁷. Созданный им «Пшеглєнд Вєходни», выходящий раз в два месяца, по замыслу должен был служить популяризации знаний об СССР в Польше и тем самым служить если не напрямую взаимному сближению народов, то, по крайней мере, уменьшению накала накопившейся враждебности, во что Вакар несомненно верил до самой своей преждевременной смерти 9 мая 1933 года²⁰⁸.

Этот журнал выходил только четыре года (1932-1935). Всего вышло 15 тетрадей. В подзаголовке было указано: «Ежемесячник посвящен изучению действительности, а также взаимоотношениям Польши и СССР». Первый номер журнала вышел

отношениях ср.: H. Wisner, *Z historii stosunków kulturalnych polsko-radzieckich 1919-1939*, Warszawa 1987.

²⁰⁹Статья: *Na przełomie stosunków...*, s. 9.

в октябре 1932 г. через несколько месяцев после заключения пакта о ненападении (25 июля 1932 г.). В. Вакар обычно публиковал свои наиболее важные политические тексты под псевдонимом *Consulibus*. Окружение журнала «Пшеглэнд Востодни» упорно стремилось к польско-советскому сближению. Оно стремилось убедить в правоте этой программы польское общество. В. Вакар верил, что «польско-советская граница [...], разделяющая два противоположных общественных строя, является сегодня одной из самых мирных границ в мире», а победа большевистской революции «создала международную ситуацию, в которой усилия Польши по прокладыванию себе пути к истинной свободе и государственной мощи оказались плодотворными»²⁰⁹. Эта концепция упрочения и стабилизации отношений с СССР, которой должен был служить «Пшеглэнд Востодни», оказалась нереальной. Внешняя политика Речи Посполитой отвергала декларируемую Максимом Литвиновым программу коллективной безопасности, сохраняя глубокое недоверие к Советской России. В польском МИД не верили, что советское руководство готово было защищать существующие границы в Центральной и Восточной Европе, если доктрина строя в СССР предполагала неизбежность конфронтации между капиталистической системой и социализмом. В создавшихся условиях в Москве систематически обвиняли Польшу в сотрудничестве с Германией, направленном против «коллективной безопасности». Так, например, VII Конгресс Коминтерна в 1935 году провозгласил концепцию «народных фронтов». Политику «равновесия» министра Юзефа Бека остро атаковали в Кремле. В таких условиях программные предпосылки группы Влодзимежа Вакара очень быстро стали неактуальны. Несмотря на это, «Пшеглэнд Востодни» был «первым и единственным органом независимого общественного мнения, посвященным идее взаимного польско-советского узнавания и сближения». Этот журнал старался придерживаться по возможности объективности и беспристрастности в оценке реалий СССР. Вакар, как редактор, особое внимание уделял экономической

²¹⁰Ср., напр., статью под названием *Papież Pius XII a Wschód* // «Oriens», z. 2, 1939, s. 33-34, а также: ks. J. Urban, *Papież Wschodu*, там же, s. 34-37.

²¹¹Ks. J. Urban, *Wobec wspólnego zadania* // «Oriens», z. 2, 1936, s. 58-59.

²¹²Каждый номер открывался «вступительным словом» редактора журнала о. Урбана.

проблематике Советской России. Поэтому работа, проделанная этим периодическим изданием, является одним из важнейших достижений польской довоенной советологии.

о. Ян Урбан и ежемєячник "Oriens"

Особое место среди советологических исследований занимали проблемы религиозной жизни в Советской России и СССР. Эта тематика по понятным причинам привлекала внимание, прежде всего, исследователей, связанных с Католической церковью. Именно такой характер носила группа, сосредоточившаяся вокруг видного знатока Восточных церквей – о. д-ра Яна Урбана, иезуита, теолога и публициста. В 1933 г. он создал журнал "Oriens", который был органом Восточной миссии отцов иезуитов и имел подзаголовок: «периодическое издание выходит раз в два месяца и посвящено религиозным проблемам Востока». Журнал выходил раз в два месяца с октября 1933 г. до начала войны в сентябре 1939 г. На страницах этого журнала публиковались, прежде всего, исследования на тему политики советских властей в отношении религии. Появлялись также статьи, посвященные положению Православной церкви. Кроме того, с особым вниманием следили за репрессиями властей в отношении Католической церкви в СССР. Наконец, много места отводилось комментариям на тему восточной политики Ватикана, в том числе так называемой неоуниатской акции, миссии монсеньора Мишеля д'Эрбиньи и деятельности Папской комиссии *Pro Russia*²¹⁰. В "Oriens" велось также тщательно редактируемое обозрение событий по церковной и религиозной тематике на восточном направлении²¹¹. Это периодическое издание было единственным журналом такого рода в Польше. Следует также вспомнить, что о. Урбан явно дистанцировался от «эндековской» концепции относительно места Польши в Европе. Его взгляды отразились на идейном облике журнала²¹². До сих пор в специальной литературе не обратили внимания на деятельность группы, объединившейся вокруг журнала "Oriens" с целью изучения советских проблем.

²¹³Об этом см.: J. Moskwa w księce Antoni Marylski i Łaski, Warszawa 1989, а также W.P. Szymacski, *Moje dwudziestolecie 1918-1939*, Kraków 1998, s. 142-174. Życiorys R. Bł̄tha, Archiwum UJ, sygn. WF II, 504.

²¹⁴Ср. прим. 28.

²¹⁵W. Weintraub, *O współczesnych i o sobie. Wspomnienia, sylwetki, szkice literackie*, wstęп i oprac. S. Barczak, Kraków 1994, s. 301.

Рафал Блютт и журнал «Ройіія»

В этом обозрении следует также упомянуть журнал «Россия», созданный д-ром философии Ягеллонского университета Рафалом Блютом, видным историком русской литературы. Этот бюллетень был посвящен, как гласил подзаголовок, «всесторонней информации о жизни в СССР и ее обсуждению, а также важнейшим событиям в среде российской эмиграции». Это периодическое издание было основано в 1935 г. и оказалось однодневкой, поскольку его первый номер был в то же время последним. Рафал М. Блют (1891-1939) был тогда связан с интеллектуальными кругами Института в Лясках под Варшавой, являлся сотрудником о. Владыслава Корниловича и редакции католического ежеквартального издания “*Verbum*”²¹³. Он поддерживал близкие контакты с русской эмиграцией в Польше, в особенности с Дмитрием Философовым. Блютт занимался советологической проблематикой, в основном его интересовала проблема формирования советской элиты власти. Отзвуком этого интереса стала статья под названием «Уничтожение ленинской элиты», опубликованная в 1938 г. и являющаяся глубоким комментарием сталинских «чисток», проводимых в 1936-1938 гг.²¹⁴ Рафал Блютт сотрудничал также с агентством печати «Экспресс», готовя для него аналитические материалы об СССР. Они были основаны, главным образом, на серьезном анализе советской прессы. В связи с этим обстоятельством Виктор Вейнтрауб не без основания заметил, что «из советской прессы можно при определенной подготовке вычитать гораздо больше того, что она сообщает к сведению читателей [...]»²¹⁵.

«Проблемы Восточной Европы»

Ежеквартальный журнал «Проблемы Восточной Европы» появился в январе 1939 года и заменил выходивший до него «Польско-украинский бюллетень». Оба журнала издавались при Восточном институте. Созданный Влодзимежем Бончков-

²¹⁶ «Польско-украинский бюллетень» был основан в 1932 году как ежемесячное издание, а с 1933 г. стал еженедельником. Журнал выходил до 1938 г.

²¹⁷ Об этих проблемах подробно: W. Błazkowski, *Karta z historii stosunków polsko-ukraińskich. Biuletyn Polsko-Ukraiński // “Niepodległość”* (Nowy Jork - Londyn), t. XIX, 1986, s. 116-129 и t. XX, 1987, s. 4-30.

ским «Польско-украинский бюллетень» должен был служить выполнению программы сближения двух народов на почве территориальной интеграции польского государства и автономии для украинского меньшинства в границах Речи Посполитой²¹⁶. Журнал старался убедить в правоте этой концепции общественное мнение тогдашней Польши. Эту идею пропагандировал, прежде всего, редактор журнала В. Бончковски. В конце 1938 г. под нажимом правительственных кругов, где преобладало влияние Лагерь национального объединения, журнал был закрыт. В этих условиях Бончковски создал новое периодическое издание – ежеквартальный журнал «Проблемы Восточной Европы». Первая тетрадь вышла в январе 1939 года под его редакцией. Журнал выходил до начала войны в сентябре 1939 года²¹⁷.

Вспоминая начало советологических исследований в возрожденной Польше, нельзя обойти важную роль специализированных юридических и экономических журналов, которые много внимания уделяли советологической проблематике. Прежде всего назовем здесь такие периодические издания, как выходивший в Кракове под руководством Владыслава Леопольда Яворского «Правовой и экономический журнал», а также издаваемый в Познани журнал «Правовое, экономическое и социологическое движение», редактируемый профессором Познаньского университета Антони Перетяковичем, на страницах которого обращал на себя внимание очень разнообразный и тщательно подготовленный отдел рецензий, в том числе на советологическую литературу, как

²¹⁸В редакционном совете журнала "Przegląd Polityczny" были такие видные ученые, как Марцели Хандельсман.

²¹⁹Редактором журнала "Przegląd Dyplomatyczny" (1919-1921) был Мечислав Реттингер. Ежеквартальное издание "Sprawy Obce" основал и редактировал д-р Михал Сокольніцки в 1929 г., в то время начальник Научно-исторического отдела МИД. В формировании программной линии журнала "Przegląd Polityczny" ведущую роль играл Марцели Хандельсман. Журнал перестал выходить в 1934 г. Журнал "Polityka Narodowy", выходивший раз в два месяца, был заменен журналом "Przegląd Polityczny", который выходил в 1934-1939 гг. Редактором был профессор международного права Варшавского университета Юлиан Маковски. В журнале "Polityka Narodowy" по советологической тематике выступал в основном Зыгмунт Шемплиньски [псевдоним «Ян Варецки»]. Ср.: он же, *Doktryna stalinizmu* // "Polityka Narodowy", t. X, z. 4, 1937, s. 241-257; он же, *Stalin w walce o władz* // "Polityka Narodowy", t. X, z. 1-2, 1937, s. 3-21; он же, *Stalinowskie drogi Kominternu* // "Polityka Narodowy", t. X, z. 5, 1937, s. 366-391.

польскую, так и зарубежную. Заслуживают внимания вильненские правовые журналы, и среди них «Вильненский правовой ежегодник» – орган отделения права и общественных наук Университета им. Стефана Батория, выходящий под редакцией проф. Вацлава Комарницкого, и ежемесячник «Вильненское правовое обозрение». Важную роль в качестве трибуны для обмена мнениями на тему советской экономики выполняло ежеквартальное издание «Экономист» и ежемесячник «Национальная экономика» – ведущие экономические журналы периода II Речи Посполитой. В развитии польских советологических исследований известную роль играли также некоторые общественно-культурные журналы, такие, как связанный с краковскими консервативными кругами ежемесячник «Пшеглэнд Вспулчесны» (редактор Станислав Вендкевич), а также католический «Пшеглэнд Повшехны». Здесь следует обратить внимание, главным образом, на журналы, посвященные международным проблемам – такие как «Пшеглэнд Дипломатычны», «Справы Обще» и, прежде всего, «Пшеглэнд Политычны»²¹⁸ и «Политыка Народув»²¹⁹. Сюда также следует отнести периодические издания, посвященные проблематике национальных меньшинств («Справы Народовосьциове», а также “Question Minoritaires”). Кроме того, внимания также заслуживает такой журнал, как «Пшеглэнд Войсковы» (1923-1936). Это периодическое издание было посвящено военной стратегии иностранных государств, на его страницах довольно широко анализировалась советская военная доктрина, рецензировалась и комментировалась военная литература, выходящая в СССР.

Сформированная до 1939 года сеть востоковедческих и советологических центров представляла собой существенное достижение польских исследователей и специалистов по этой тематике. Трудности финансового характера не позволяли использовать исследовательские возможности, правовая база

²²⁰ Ср. с этим исследованием: Henryk Olszewski, *Nauka historii w upadku. Studium o historiografii i ideologii historycznej w imperialistycznych Niemczech*, Warszawa 1982.

²²¹ Ср.: Z. Szuszkiewicz (oprac.), *Rola wschodnich instytucji w realizacji politycznych planów Rzeszy Niemieckiej*, Warszawa 1974.

²²² Посол Немецкого Рейха в Москве в 1934-1935 гг. О его концепциях в отношении Советской России шире пишет Ханс фон Гервард: Hans von Herwarth, *Między Hitlerem a Stalinem. Wspomnienia dyplomaty i oficera niemieckiego 1931-1945*, (wstkp, tłum. i przypisy E.C. Kryl), Warszawa 1992.

которых была уже создана. Хромало также сотрудничество между отдельными центрами. Следует также помнить, что от внимания польских советологов не ускользали слабости и новые потребности в этой сфере. Накануне войны началась интересная дискуссия о новых задачах польской советологии, в которой, в частности, приняли участие Станислав Мацкевич, Александр Бохеньски и Станислав Свяневич. В особенности высказывались пожелания организовать и углубить исследования в области национальных проблем СССР, поскольку эта область советологических исследований была развита слабее всего. Ожидалась также реорганизация варшавского Восточного института таким образом, чтобы этот центр проводил исследования не только востоковедческие, но и советологические. Возникла также идея, чтобы в Институте исследований национальных проблем организовать специальный коллектив ученых по изучению национальных проблем СССР. Однако начало войны прервало эту дискуссию и поиски новых решений.

Завершая это обозрение главных аспектов проблемы, представляется целесообразным сопоставить польское востоковедение периода между двумя мировыми войнами и немецкие «восточные исследования» (*Ostforschung*) того же периода²²⁰. Вспомним, что в Германии до второй мировой войны действовали три больших центра «восточных исследований», расположенные в Берлине (с 1923 г.), Кенигсберге (1916 г.), во Вроцлаве (1923 г.), Лейпциге (1928 г.), Мюнхене (1930) и Гданьске (1927)²²¹. Существовали также два общенемецких объединения. Во времена Веймарской Республики *Deutsche Gessellschaft zum Studium Osteuropas* (1920-1935), в руководстве которого действовали профессор Отто Хётцш (генеральный секретарь), Ханс Юберсбергер, д-р Карл Менерт и дипломаты Эдуар Мейер, а также посол Рудольф Надольны²²². В гитлеровский период возник унифицированный, опирающийся на принципах *Nord-und Ostedeutsche Forschungsgemeinschaft* (1935-1945). NOFG – это центральный институт, которому власти III Рейха доверили координировать «восточные исследования». Институты и востоковедческие общества, независимые в период

²²³Профессор этого Института Борис Брукс опубликовал в Польше, к примеру, *Prawodawstwo agrarne sowieckiej Rosji // "Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny"*, R. IX, z. 1, 1929, s. 77-100.

Веймарской Республики, утратили в 1935 году свою автономию, были подвергнуты процессу “*zgleichschachtung*” (нивелирования). Исследования по «Восточной Европе» в Германии были поставлены на службу идеологии национал-социализма. Замолчал вышеупомянутый Отто Хётцш – ученый, считающийся самым видным немецким специалистом в области *Ostforschung* времен Веймарской Республики.

Для представителей немецких общественных наук открыто встать на сторону гитлеровского движения означало продвижение в карьере, но это же искажало немецкую историографию. Однако это не всегда отрицательно сказывалось на научном методе. Так было в случае Теодора Оберландера, яркого национал-социалиста, директора Кенигсбергского института экономики Восточной Европы. Он был уважаемым и достаточно добросовестным специалистом по вопросам перенаселенности в сельской местности в странах Центральной Европы, в том числе Польши. После падения нацизма участие в *Ostforschung* – это скорее стыдливый и скрывааемый эпизод в биографиях многих, впрочем, уважаемых ученых, например, Вернера Маркета (доктор Вроцлавского университета) или в меньшей степени Готольда Роде (выпускник университета в Кенигсберге). Вспомним также, что в Берлине функционировал также Русский научный институт, который был главным в Западной Европе советологическим центром русской эмиграции. С этим центром поддерживал контакты круг польских правоведов²²³.

Инфраструктура польских «восточных исследований», развившаяся только во втором десятилетии независимости Речи Посполитой, представляется достаточно интересной, хотя по сравнению с аналогичными достижениями немецкой науки это были успехи довольно скромные. Ведь приходилось преодолевать серьезные финансовые трудности. Несмотря на это, особенно важным остается то, что в Германии, однако, не возникло ничего, что можно было бы назвать «советологи-

²²⁴Ср. коллективный труд, созданный в гитлеровский период: H. Aubin, O. Brunner, W. Kohte, J. Papritz (Hrsg.), *Deutsche Ostforschung. Ergebnisse und Aufgaben seit dem ersten Weltkrieg*, Bd. 1-2, Leipzig 1942-1943.

²²⁵После изменения названия в 1939 году “*Slavonic and East European Review*” подзаголовок имел следующий вид: *A Survey of the Slavonic Peoples, their History, Economics, Philosophy and Literature*.

²²⁶Ср.: *The Fall of Russian Monarchy*, London 1939. См. также: он же, *A History of Russia*, ed. 3, London 1937, s. 570 (многолетний академический учебник в

ческой школой», а в Вильно такая структура сформировалась. Немецкая наука все свои усилия сконцентрировала на исследованиях восточной политики Немецкого Рейха²²⁴. Во времена Веймарской Республики в основе немецкой восточной мысли явно прочитывалась идея *Mitteleuropu*, а в гитлеровские времена – лозунг *Lebensraum*. Несомненное преимущество перед исследованиями поляков имели значительно более развитые немецкие исследования экономической ситуации в странах Центральной и Восточной Европы. В области же советологии в Германии не появилось ни одного труда, который по значению мог бы сравниться, например, с синтетическим исследованием строя СССР В. Суkenницкого, работой С. Свяневича «Ленин как экономист» или с работой Б. Ясиновского «Восточное христианство и Россия». Следует также констатировать, что в немецкой науке безраздельно царила микрография. Позиция польских исследователей была несходной. На этом фоне особенно красноречиво выглядит программный девиз вильненских советологов, которые искали пути к комплексному истолкованию обсуждаемых проблем. Они старались давать собственные решения важнейших исследовательских тем, таких как «Ленин и марксизм», «Россия и Европа» и т. п.

Еще более значительно выглядит польская советология на фоне английских, французских и американских исследований в этой области. До 1914 года английская историография лидировала в западных исследованиях о России. Пользующаяся признанием группа исследователей, известная в литературе как «школа из Ливерпуля», перестала, однако функционировать в связи с началом войны летом того же года. (Тогда вышел последний номер “The Russian Review”). В 1915 году возникла

англосаксонских университетах); он же, *Russia*, London 1941 (исторический очерк).

²²⁷ В редакционном совете работали: Луи Эйзман, Этьен Фурноль, Огюст Говен, Жюль Легра, Анри Муасе.

²²⁸ В это же время возник также *Ukrainische wissenschaftliche Institut* в Берлине-Далеме. Из сотрудников Русского научного института в Польше хорошо был известен своими публикациями Роберт Брукс.

²²⁹ Представителем по контактам с «прометеевским» движением от имени итальянского правительства стал профессор Энрико Инсабатто. В тридцатые годы он несколько раз был в Польше, принимал участие в заседаниях правления организации «Прометей», а также вел переговоры в Восточном отделе МИДа.

School of Slavonic and East European Studies при Лондонском университете. В 1932 стало также выходить “*Slavonic Review*” под редакцией Бернарда Пареса и Роберта Сетона-Ватсона²²⁵. Однако они занимались всей перекроенной Восточной и Центральной Европой, а не только СССР. Генезисом падения дореволюционной России занимался Бернард Парес²²⁶. Важный центр восточных исследований действовал в Бирмингеме. Во Франции же выделялась группа, собравшаяся вокруг ежемесячника “*Le Monde slave*” (1924-1938), но этот кружок распался из-за споров вокруг оценки политики Сталина²²⁷. Всего вышло пятнадцать ежегодников. Работал также основанный Борисом Сувариним центр под названием «*Critique sociale*». В Соединенных Штатах основы академической историографии Восточной Европы (в том числе России) создал Арчибальд Кулидж, дипломат, бывший секретарь американского посольства в Петербурге в 90-е годы XIX века и профессор Колумбийского университета в Вашингтоне с 1915 года, на специально созданной кафедре под таким названием. Нельзя также не упомянуть интеллектуальные центры, созданные русской эмиграцией с целью проведения исследований Советской России на территории Франции и в особенности Германии, например, возникший в 1923 году *Russische Wissenschaftliche Institut* в Берлине²²⁸. В Италии в период между двумя мировыми войнами также проявлялся интерес к восточной тематике и к советским проблемам, свидетельством чего был созданный уже в 1920 году Институт Восточной Европы в Риме, ставший активным центром исследований по Советской России. После 1922 года эти исследования все явным образом стали служить идеологии фашизма. В таких условиях в начале тридцатых годов в Риме появился центр под названием *Centro di Studi Anticomunistici*. В соответствии с идеологическими директивами фашизма «Центр антикоммунистических исследований» прежде всего должен был служить пропаганде будущего «Фашистского Интернационала» на иностранной территории²²⁹.

²³⁰S. Swianiewicz, *W sprawie organizacji...*, в разных местах.

²³¹По этой причине было прервано после выхода двух томов издание “*Rocznika Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej w Wilnie*”.

²³²Наряду с цитированными трудами С. Стажиньского, М. Ковалевского, здесь необходимо еще вспомнить исследование Северына Выслоуха (из

На этом фоне программно исследовательский (а не политический) характер Института Восточной Европы в Вильно остается значительным достижением польской науки. До начала Второй мировой войны за границей не возникло ни одного центра такого профиля, который бы тщательно и последовательно придерживался принципов аполитичности и независимости. Институт располагал мизерными средствами по сравнению с теми, которые выделялись на развитие *Ostforschung*. Однако именно в Польше возникла интеллектуальная среда и определенное направление мысли, которые можно назвать «советологической школой». В Германии и в Западной Европе в те годы не образовалась понимаемая таким образом интеллектуальная формация. Этот феномен имеет свое красноречивое значение – и совсем не малое.

Наряду с этими бесспорными достижениями у польских советологов были также и несомненные поражения. Прежде всего, советологические исследования в Польше между двумя мировыми войнами требовали эффективного финансирования. Свяневич в цитированной уже статье «К вопросу организации советологических исследований» писал, что в силу значимости советологической проблематики, с учетом международного положения Польши, для научно-исследовательской работы в этой сфере «нужно постоянно направлять лучшие силы, которыми только польский народ может располагать. Направлять же людей, которые не могут найти себе применения где-то еще, всегда легче. Если же речь идет о привлечении к этим исследованиям лучших интеллектуальных сил, то сразу возникает проблема расходов»²³⁰. Поэтому от многих интересных исследовательских замыслов нужно было

Университета им. Стефана Батория) *Rola komunistycznej partii zachodniej Białorusi w ruchu narodowym Białorusinów w Polsce* // "Rocznik Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej w Wilnie", t. 1, 1933, s. 174-240.

²³³L. Kołakowski, *Główne nurty marksizmu. Powstanie. Rozwój. Rozkład*, Londyn 1988.

²³⁴A. Walicki, *Marksizm i skok do królestwa wolności...*

²³⁵A.B. Ulam, *The Bolsheviks*, New York 1968; он же, *Stalin. The Man and His Era*, Boston 1973; он же, *The Communists. The Story of Power and Lost Illusions*, New York 1992.

²³⁶Z. Brzezicki, *Wielkie bankructwo. Narodziny i śmierć komunizmu w XX wieku*, Paryż 1990.

²³⁷C. Miłosz, *Zniewolony umysł*, Warszawa 1990.

отказываться²³¹. Перед самым началом войны появились концепции по реорганизации польской советологии. Конкретные требования по этим проблемам выдвигали Александр Бохеньски и Станислав Свяневич. Однако внедрять в жизнь новые замыслы весной 1939 года было уже поздно.

Наверное, слишком слабо по сравнению с потребностями развивались исследования в области национальных проблем в СССР²³². Польским советологам не хватало именно соответствующих специализированных журналов. Прекрасно редактируемое периодическое издание “*Wschyd Polski*” («Восток Польши») выходило только в 1920-1922 гг. Упомянутый выше “*Rocznik Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej*” перестал выходить уже после появления двух томов за 1933-1934 годы. Таким образом, оставался только “*Wschyd/Orient*”, который выходил регулярно после начала войны. Для сравнения: немецкая периодика, посвященная восточным проблемам, насчитывала несколько десятков названий. Кроме того, немецкий язык давал несравненно больше шансов для размеров читательской аудитории в области мировой историографии, что легко заметить по количеству цитирования – довольно много цитат из работ немцев и совсем ничтожное количество ссылок на публикации польских советологов. Научные достижения польских советологов периода между двумя мировыми войнами были забыты. Поэтому теперь, когда мы говорим об участии поляков в интерпретации большевизма, как правило, мы упоминаем только имя автора труда «*Главные направления марксизма*» – то есть Лешека Колаковского²³³. Теперь же, учитывая выход книги под названием «*Марксизм и прыжок в царство свободы. История коммунистической утопии*», нельзя в этом контексте не назвать Анджея Валицкого²³⁴. Вспоминая достижения ученых польского происхождения на ниве послевоенной советологии, не оставим без внимания также исследования Адама Б. Улама²³⁵ или Збигнева Бжезинского²³⁶. Обращаясь, в свою очередь, к проблеме «интеллектуалы и коммунизм», мы цитируем, главным образом, «*Порабощенный разум*» Чеслава Милоша²³⁷, а также – при всей спорности оценок – «*Мой век*» Александра Вата²³⁸. Между тем, за пределами нашего

²³⁸ A. Wat, *Mój wiek. Pamiętnik mówiony*, rozmowy prowadził i przedm. Cz. Miłosz, oprac. L. Ciołkoszowa, t. 1-2, Warszawa 1990.

²³⁹ M. Zdziechowski, *Europa, Rosja, Azja*, Warszawa 1923, s. 330.

внимания остается видный вклад польских ученых в создание фундамента знаний о послереволюционной России и советской системе. Именно в Польше периода между двумя мировыми войнами, а также в тогдашней Германии возникли специализированные советологические исследования.

Публицистика, посвященная «новой России», бурно развивалась собственно во всех странах тогдашнего Запада – во Франции, в Великобритании, Германии, Италии, в Соединенных Штатах. Однако трансформация публицистики в научную мысль, объективную и выверенную, произошла только в работах польских и немецких исследователей. Здесь следует подчеркнуть, что польские советологические труды периода между двумя мировыми войнами были ценными и разнообразными в познавательном отношении, хотя литература эта имела разный уровень. Вместе с тем, появились первые центры советологических исследований. Более того, в кругу Научно-исследовательского института Восточной Европы в Вильно возник коллектив ученых, продуктивно сотрудничающих между собой – польская советологическая «школа». Об усилиях и достижениях польских советологов нужно помнить. Поскольку это был, бесспорно, первый шаг в направлении углубленного и всестороннего анализа советской системы.

Советологические исследования в Польше в период между двумя мировыми войнами не только отвечали на определенные познавательные запросы, но одновременно были ответом на требование реалий времени. Они были тесно связаны с необходимостью глубокого размышления о международном положении Польши. Непрочность такого положения уже была заметна в начале двадцатых годов. «Мы являемся малой частичкой Европы, с ее судьбой мы связаны, мы заражены теми же самыми, что и она, болезнями коммунизма и национализма, и вместе с нею, кусая друг друга в неистовом безумии, мы не движемся, а стремительно мчимся к пропасти», – написал в своей книге «Европа, Россия, Азия» Мариан Здзеховски, видный знаток русской культуры и литературы²³⁹. Написав эти слова в 1922 году, автор наверняка в тогдашней Польше был в одиночестве. Разрушительная конфронтация идеологий и тоталитарных систем раздирала Европу того времени. В реалиях второй половины тридцатых годов точность этого диагноза казалась неопровержимой. Польские советологи эпохи между двумя мировыми войнами осознавали

это. Они были твердо убеждены в нестабильности и хрупкости мирного порядка, который позже в историографии будет назван «версальской системой». От развития ситуации в России в серьезной степени зависела судьба Речи Посполитой. Результат войны 1920 года обеспечил Польше независимость, но Рижский договор от 18 марта 1921 года – рассматриваемый из дальней перспективы времени – был всего лишь перемирием и не гарантировал прочной безопасности. В начале двадцатых годов ситуация за восточной границей оставалась шаткой, а будущий расклад сил в этом регионе был неизвестен. Поэтому было необходимо описывать эти реалии, а также в известной степени систематизировать и критически оценивать информацию, собираемую на эту тему. Стремления и задачи польских советологов нужно рассматривать именно в таком политическом контексте и интеллектуальном климате той эпохи.

С польского перевела С. Попкова

(перевод не авторизованный)

Статья: *Początki studiów sowietologicznych i wschodoznawczych w Polsce (1919–1939)*.

Ośrodki, czasopisma, badacze из журнала „Polski Przegląd Dyplomatyczny”, т. 2, nr 5 (9), 2002, s. 89–158.